

Перстень с янтаре м

*...И все, чем смерть жива
И жизнь сложна, приобретает новый,
Прозрачный, очевидный, как стекло,
Внезапный смысл...
А.А. Тарковский «Дерево Жанны»*

Глава 1.

*И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.
А.А. Тарковский «Суббота, 21 июня...»*

Ветер коротко свистнул, когда он прыжком покрыл расстояние от одного края ямы до другого.

Испестрённая следами дорога влажно приминалась под его лапами; лай позади рвал в клочья утренний воздух. Чуткие волчьи уши слышали, как один за другим смолкали голоса, и это могло значить лишь одно – медленно, по капле стая прекращала своё существование.

Со всех сторон на него обрушивались привычные запахи, чувствуемые сейчас по-особенному ярко, но он не отвлекался. Внутренности сводило от ощущения опасности, и зверь бежал, подстёгиваемый не столько знанием, сколько тем, что крепко сидело в нём и в каждом из тех, кто был до него и будет после.

Он ещё мог принять бой, разорвать одну-две глотки, прежде чем в него зубами крепче собственных вцепится смерть, но стая раскололась надвое в самом начале, уводя собак как можно дальше. Человек нарушил их границы, человек потревожил их стаю, человек, смердящий падалью и страхом...

Едкий дух крови на тропе оглушал его, сбивал с толку, стелился повсюду липким туманом, но шум сзади вынуждал лететь сквозь него сломя голову. Он бежал до тех пор, пока молодая гончая не нагнала его, и тогда волк остановился, зарычал низко, утробно. Он мог перекусить ей хребет, броситься дальше, догоняя остальных... Свора, подступившая ближе к ним, заключила его в голосащее беснующееся кольцо.

Выбежавший на опушку охотник пах металлом, пылью, орешником, совсем слабо – молоком; и он вспомнил, вспомнил девчонку, повредившую ногу рядом с их тропой в начале лета. Тот человеческий ребёнок остался жив, волчата – нет.

Близкий запах крови в раскалённом воздухе заставлял сердце, разгорячённое бегом колотиться чаще. Зверь подобрался тугой пружиной, готовый перемахнуть и эту поляну, и реку, и – если будет нужно – весь лес разом...

Последним, что он увидел – с невыразимой ясностью, – был наконечник стрелы, объятый белым пламенем.

Тень от соломинки коснулась безымянного пальца – день, стало быть, уже давным-давно перевалил через середину. Нао покатила стебелёк между ладонями, глянула на солнце как через подзорную трубу, и уронила обратно в траву.

Жара надоедливый пухом лезла в рот, нос, заставляла прикладываться к фляге с водой всё чаще и чаще – пока та не опустела. Вытряхнув последние капли, Нао с досадой бросила её в сумку, висевшую через плечо. Дорога убегала вперёд, как светло-серая тесьма, снятая с

ткацкого станка, а она шла, шла, шла, пока не начинала брать своё усталость. Тогда можно было покинуть тракт, чтобы отправить в рот горстку ягод, пачкающих ладони тёмным соком, или позволить себе ненадолго закрыть глаза и ни о чём не думать.

Трава, ласково касающаяся лица, пахла пылью, летним зноем, и еда уловимо – мёдом. Под слабыми порывами ветра она клонилась к горизонту, шурша и вздрагивая, словно шёлковое море. Глядя на узкую синеватую полоску, Нао облизнула пересохшие губы – пить хотелось невыносимо – провела рукой по светлым метёлкам. На ощупь те оказались мягкими как шкура огромного неведомого зверя; такой, кажется, ей снился, когда Нао была совсем маленькой. Она неохотно поднялась на ноги, стряхнула с себя песок, пожухшие травинки, мелкие белёсые лепестки. Нужно было набрать где-то воды, но кругом только простиралась блестящая на солнце трава да гудели насекомые.

- Гр-раймово¹ отродье, – бессильно выругалась Нао, – неужели здесь нет хотя бы ручья?
- Ну, как же нет?.. Вон за тем холмом течёт река, пусть и небольшая.

От неожиданности Нао вздрогнула, рука её сама собой бросилась к голенищу – там в чехле покоился метательный нож... но именно сейчас тот за что-то зацепился, и к обладателю загадочного голоса Нао обернулась с пустыми руками. Чувствовала она себя донельзя глупо.

- Не нужно так пугаться, – беззлобно усмехнулся его обладатель, – я вроде бы не похож на чудовище, да и день сейчас... Могу, кстати, проводить к этой реке.

- Кто ты? – перебила Нао, плюнув на любые известные ей правила вежливости.

- Охотник на горных лис, – отозвался он беззаботно. – Привела меня сюда жажда, и сейчас я не прочь прийти на выручку одной милой вите² из дальних, должно быть, краёв. Ну, так что, показать дорогу?

Нао неспешно подобрала сумку, переступила на месте и смерила незнакомца взглядом. Тот был заметно выше – смотреть приходилось снизу вверх.

- Допустим, я тебе верю, – произнесла девушка после короткой заминки. – А далеко идти?

- Нет, реку с самого холма уже видно будет, а там всего ничего останется.

Нао кивнула с самым серьёзным видом, на какой была способна:

- Хорошо, – подумала немного и поинтересовалась. – Как ты узнал, что я нездешняя? Эту реку тут все знают?

Незнакомец спокойно объяснил:

- Да, и ещё у местных много работы на улице – лицо и руки загорают сильнее. Вот и остаются или известный род, или... Осторожно, здесь легко упасть.

Предупредил он её очень кстати: Нао шла медленнее, то и дело оглядывалась, и совсем не заметила, когда тропинка успела пойти под откос.

- Необязательно, – возразила она, поправила выбившуюся из-под ремня рубашку. – Может, я просто неумеха, которая только и знала, что сидеть дома, а теперь меня выгнали как лишний рот?

- Ну, да, в хорошей одежде, наверняка с провизией, картой и добрыми напутствиями. У нас из дома только так и выгоняют, что верно, то верно...

1 Грайм (Могильщик) – персонаж местного фольклора, примечательный тем, что в него верят на всей О'Стад независимо от расы и религии. Печально известен как разоритель могил, бессмертное чудовище, постоянно ищущее жертву. Считают, что мертвец разорённой им могилы обретает новое тело и занимает своё место в свите Грайма, то же может произойти и с живым человеком. Единственный способ защититься от Могильщика – носить на запястье суровую нитку, закреплённую на руке без единого узла.

2 Вит, вита – вежливое обращение к мужчине и женщине, распространённое повсеместно. Может употребляться как в сочетании с именем, так и с фамилией, в последнем случае носит более формальный и уважительный характер.

Нао не удержалась от колкости:

- И когда же ты мне в душу успел заглянуть? – но охотник остался совершенно невозмутим.

- Я говорю только о том, что вижу, и о наших обычаях, ничего более...

Обещанная речка начиналась до того внезапно, будто её бросили посреди поля, не удосужившись как следует очертить берега. Девушка торопливо скинула лямку с плеча, опустилась на колени, закатала рукава и сунула руки в воду. Зубы противно заныли, когда она сделала глоток, но после вымотавшей её жары это было почти приятно. Нао горстями побросала воду в лицо, жмурясь от удовольствия, и вытерлась смятым, не особенно чистым платком. Краем глаза она следила этим странно учтивым охотником – охотником ли? – слова которого почему-то сразу расположили к себе. Ничего определённого сказать о нём было нельзя – высокий, загорелый, крепкие и, пожалуй, красивые руки... Ни одной приметной черты, ни единой зацепки в одежде или причёске – волосы по плечо были собраны в самый обыкновенный хвост. Но до чего интересный цвет, совсем как кора каменной сосны у неё рядом с домом.

- И... как зовут моего неожиданного благодетеля? – бодро спросила Нао, пальцами зачесав назад мокрые пряди.

- Ингвальд, можно Инг, Вальд, или что у виты получится выговорить, – лицо его выражало крайнюю степень удовлетворённости жизнью. Видимо, нечто подобное он озвучивал не впервые, и также не впервые видел недоумение на лице собеседника.

- Отлично, а я Нао, и... просто Нао, - как можно более искренне улыбнулась она.

- Хорошее имя, - одобрил Ингвальд, - значит, издалека?

- Пожалуй, - уклончиво ответила девушка. Радоваться всё-таки было рано: ещё одна ночёвка в лесу её совсем не прельщала, а остановиться здесь было негде. Без особой надежды Нао поинтересовалась:

- Слушай, Ингвальд, а ты куда идёшь?

- Неужто компанию предлагаете? – тот саркастически поднял бровь.

- Нет, ну надо же, всё про всех знаешь!

Мужчина с покаянным видом развёл руками, и Нао, не удержавшись, фыркнула.

- Я никак не могу совладать с этими поворотами, - призналась она, – сегодня вот всё утро кружила на одном месте, а до Линстальфа³ идти и идти. Так что проводник или попутчик мне не помешал бы.

- Если выбрали старую дорогу – спешу обрадовать: она вполне может быть зачарованной, такое здесь не редкость.

- Не знаю, зачарованная или нет, но пейзажи, прямо сказать, многообразием не поражают. Кстати, а опасно тут идти вечером?

- Вечером? Да вечером вообще всё безопасно. Жертве грабителей, читай – покойнику, бояться нечего, – ухмыльнулся он, глядя на недовольное лицо Нао.

- Мама всегда говорила, что я не особенно везучая, - буркнула она куда-то в сторону, стараясь скрыть ползущие вверх уголки губ.

Через несколько часов духота в самом деле спала, но в густеющей сиреневой мгле идти стало куда труднее. В очередной раз споткнувшись, Нао прошипела несколько отборных ругательств, которые куда привычнее было бы услышать от лирок⁴, живи они здесь.

- Живут, прячутся и морочат народ. Но, надо заметить, не ругаются, - невозмутимо

³ Линстальф - одно из крупнейших государств на Анкоме.

⁴ Лирки – небольшие разумные грызуны, ведущие скрытный образ жизни. Обитают близ часто используемых дорог, запоминают услышанные разговоры и повторяют сказанное, чтобы сбить путешественника с толку.

обратился к пустоте Ингвальд и, увидев потрясённый взгляд Нао, с легкой усмешкой добавил, - ничего особенного, простое чтение мыслей. Мне вдруг стало интересно, о чём можно думать с таким сосредоточенным видом. Больше не буду, извини.

- Простое?! Ничего себе, а что ещё ты считаешь таким же простым? – ошарашенно выпалила Нао.

- Ммм... Путешествие в другой город без карты?

Нао немедленно оскорбилась до глубины души:

- Представь себе, карта у меня есть, даже новая!

Они развернули панически хрустнувший бумажный лоскут с добрым десятком сгибов и вгляделись в пока что различимые мелкие буковки.

- Так, мне надо в Линстальфе... В Ир-Тайх⁵, то есть сюда, а мы... здесь?

Палец Ингвальда съехал вниз ещё на треть расстояния, отмеренного Нао.

- Нет, ближе к этому ущелью.

- Далековато... - протянула порядком расстроенная девушка.

- Далекое, согласен. Впрочем, мне по пути – в столице одно старое дело ждёт.

- Тогда идём?

Мужчина встряхнул карту, аккуратно сложил её – уголок к уголку – и подал Нао. Чужие пальцы мазнули по ладони, и безотчётная тревога захлестнула холодной волной.

- Что-то случилось?

Он ответил не сразу.

- Всё в порядке, просто... вспомнил одного человека. Я могу кое-что спросить?

- Конечно, - Нао пожала плечами.

- Зачем тебе в Ир-Тайх, Нао? Путь долгий, а ты здесь одна. Почему?

Девушка невидяще скользнула взглядом по серой петле дороги и отвернулась. Сколько времени прошло с тех пор – год, больше? Тихая ненависть внутри продолжала тлеть, и каждый раз горло перехватывало так, что становилось трудно дышать.

- Несколько лет назад в нашем селении устроили облаву на волков и перебили почти всех. Я пыталась остановить их, сделать хоть что-то, но не смогла. Знал бы отец, он бы всем...

Ингвальд осторожно – словно делая шаг на первый, тонкий ещё лёд – спросил:

- Это было так важно для тебя?

- Они никогда не трогали даже детей. И всегда были нашими друзьями, - Нао намотала на палец выбившуюся прядь и с силой дёрнула.

Как объяснить, что это была не охота, а бойня?

Утро - серое, тревожное, звенело раскалённым металлом. Их дом находился слишком далеко от леса, но Нао, буквально приросшей к окну, казалось, что она слышит и крики, и волчий вой. Она встала на рассвете, думая ускользнуть в лог незамеченной. Мама поймала её на лестнице и решительно велела сидеть дома. Нао пробовала уговорить, объясниться, разжалобить; когда не удалось – проскочить мимо, и тогда мама, которая всегда всё понимала с полуслова, впервые в жизни накричала на неё, дала затрещину и заперла входную дверь.

Следы побоища она увидела лишь на другой день.

Когда узел в груди стал слабее, Нао пришла к старшему в поселении. Ворота оказались закрыты, и ей пришлось лезть через высокий, на славу сколоченный забор.

- Зачем?

Мавик ответил сразу, словно ждал этого:

- Сразу трое за одно лето для тебя не причина? Люди стали бояться ходить вблизи леса.

- Рядом с отцом не волчьи следы были, - тихо и страшно возразила она.

⁵ Ир-Тайх - столица Линстальфа, крупный торговый город.

Охотник хотел было сказать что-то, но не нашёл слов. Нао смотрела сквозь него, выхватывая взглядом детали – разбитые носки сапог, обветренные руки, старый щиток со следами зубов...

Кто-то из стаи напоследок разорвал ему лицо, изуродовав правую сторону до неузнаваемости.

Первым тугую и тонкую тишину разбил Ингвальд:

- Считаешь себя виноватой?

- Виноватой? Да, – тени причудливой маской ложились на лицо, - только поздно уже виниться. Плакать об убитых – пустое дело.

По обочинам тракта хрустели ветки. Когда они вышли на прогалину, стало видно, что Тэавит⁶ ещё медленно-медленно опускается за склон, и на всём вокруг плескались красноватые отблески. В воздухе дразняще пахло тёплой смолой – казалось, сами деревья сейчас расплавятся и неспешно потекут густым золотым туманом. Если бы день можно было изобразить в камне, этот – навеки замершая вечность – стал бы солнечным янтарём с искристой взвесью воздуха и тёмными, словно выжженными пятнами.

- Мы не можем судить ни себя, ни кого-то, - Ингвальд хлопнул её по плечу. – Порой люди до самой смерти не знают, каковы они на самом деле.

Нао повернула голову, посмотрела на него без удивления, лишь с молчаливой признательностью. Закат бил в лицо, и она лишний раз порадовалась тому, что её спутник не может видеть, что щёки Нао горят вовсе не от ветра и солнца.

- Откуда ж ты на мою голову взялся? – озвучила она мелькнувшую мысль.

- Из леса, - без тени сомнения заявил Ингвальд. Девушка невольно хихикнула и не удержалась от слабой улыбки. – Но мне, в отличие от тебя, действительно некуда идти.

- Я...

Охотник пожал плечами.

- Тебя никто не держит. Ну, кроме твоих волков, любопытства, практичности, упрямства, а также нежелания выставить себя неопытным путешественником и размазнёй.

- Да, глупо было бы уйти из дома и вернуться на половине пути, ты это имел в виду?

- Я ничего не имею в виду, я хочу найти место для ночлега, - проворчал он, - ты хоть огонь разжечь сумеешь?

- Ну, да, только... Э... А кто из нас двоих взял, чем его разжечь?

- А кто из нас двоих собирался в путешествие?

- Но мне-то учиться было не у кого!

- А кто сказал, что мне было?

- Отлично, - лицо Нао исказилось страдальческой гримасой, - мы что, будем ночевать в лесу, на голой земле, без огня? Может, вообще прямо на дороге заночуем, заодно вещи сразу выставим, чтоб их удобнее тащить было?

Ингвальд расхохотался и сквозь смех махнул рукой куда-то в непонятном направлении.

- Примерно в получасе ходьбы отсюда есть гостинный двор. Постояльцев там обычно немного, так что нам места тоже найдутся.

Нао с сомнением бросила взор на мужчину, но ничего не сказала, и только когда за поворотом показался конёк крыши, утопающей в густой тёмной зелени, она внутренне выдохнула и успокоилась.

В доме на неё как-то сразу навалилась оглушающая усталость; Ингвальд ещё что-то

⁶ Тэавит – звезда, вокруг которой обращается О’Стад и другие объекты данной планетной системы. В переводе с языка Светлого народа Тэавит означает «прекрасная».

спрашивал, но Нао просто покачала головой – мол, всё равно. Тот понимающе кивнул и продолжил внимать хозяину, который с цветущим видом пересказывал новости, услышанные буквально пару часов назад от проезжавших мимо всадников. Вести в этот забытый богами уголок добирались с заметным опозданием, но только не сейчас. Казалось чудом, что кроме болтовни он успевал делать какие-то пометки в толстой книге, да ещё отыскивать ключи. Не переставая говорить, хозяин проводил их до комнат и вернулся назад вместе с Ингвальдом, в котором обнаружил благодарного слушателя, а Нао осталась у себя, отказавшись от ужина.

- Слишком устала, - пояснила она.

- Тогда доброй ночи, - пожелал Ингвальд и ушёл.

Когда голоса стихли где-то внизу, девушка закрыла за собой дверь и осторожно щёлкнула задвижкой, опасаясь сломать что-нибудь в незнакомом месте. Она поставила в угол сапоги, с наслаждением потянулась и упала на кровать. Сквозь сон Нао подумала: «Сейчас, немножко, совсем чуточку полежу и расправлю постель», но глаза слипались, и она уснула, так и не переодевшись и не укрывшись одеялом; впрочем, ей было не привыкать спать в выстуженной комнате.

Нао снилось лето.

«- Папа! Догоняй! – весело воскликнула рыженькая девочка с ярко-голубой лентой в волосах. Её сложно было различить в море высокой травы, лишь приметное светлое платье мелькало среди зелени. То тут, то там вспыхивали гудящие свечи кипрея, пушистые тонкие метёлки овсяницы, кокетливо загнутые лепестки колокольчиков, туго свёрнутые лиловые мышьи ушки и мелкие белые цветочки, которым не было ни числа, ни названия. Воздух гудел от насекомых; одуряюще пахло мёдом и мелиссой.

- Да где мне угнаться-то за тобой, дочка?

- А ты попробуй!.. – крик раздался уже где-то в лесу, за тёмными соснами.

Глава семейства усмехнулся и вдруг припустил по заросшей тропинке. Женщина, до того стоявшая рядом с ним, улыбнулась и покачала головой. Нет, ничто не могло изменить этих двоих. Её муж стал новым главой охотников, а дочке недавно исполнилось шесть лет – хорошо бы ей найти занятие себе по душе, но ни отец, ни дочь не желали становиться солиднее, и все тёплые деньки по привычке проводили на улице. Часто они звали с собой и её – Тиша смеялась, ерошила рыжие волосы и кивала: мол, на кого оставишь дом, а мастерская? Но иногда соглашалась и она, и входная дверь запиралась на ключ, чтобы через несколько часов впустить вернувшихся с лёгкой головой и бесчисленными цветами, ракушками, камешками во всех карманах.

- Папка, так нечестно! У тебя ноги длиннее!

- А у тебя моложе и быстрее, - отец нёс маленькую Нао на плече. На обоих красовались цветочные венки, и, когда они подошли еще ближе, третий опустил на гладкие каштановые волосы, вплетаясь в них искрящимся светом и высоким дрожащим воздухом».

Глава 2.

Что мне в моем погибшем имени?

Твой ржавый лист – моя броня.

Кляни меня, но не гони меня,

Убей, но не гони меня.

А.А. Тарковский «Титания»

Когда Нао открыла глаза, было ещё темно. Она поёжилась от холода, стянула с себя покрывало и встала. Возвращаться в действительность не хотелось – там было хмуро, серо, да и вообще как-то неуютно. Протопав через комнату обратно, Нао плотно закуталась в тёплое

шерстяное одеяло и задремала – зыбко и тревожно.

Второй раз она проснулась уже на рассвете. Нао с наслаждением потянулась, опустила ноги на пол и неожиданно почувствовала прикосновение чего-то мягкого и пушистого. Ковёр на холодном дощатом полу заметно поднял настроение: прошлой ночью она едва ли могла увидеть в комнате хоть что-то, кроме окна, да, пожалуй, кровати. Девушка решительно распахнула запотевшие створки, поёжилась от струи холодного воздуха, но закрывать не стала. Нао села обратно на кровать и обнаружила дыру на рукаве чуть повыше запястья.

- Вот, не было печали... - мысленно вздохнула она. Пришлось покопаться в вещах, отыскивая другую рубашку, иголку и моток ниток. Переодевшись, Нао заштопала рукав и сложила всё назад в сумку, напомнив себе при случае постирать злосчастный предмет гардероба. Можно было бы сделать это и теперь: узкая дверь в конце коридора вела в уборную комнату, но высохнуть за пару часов плотная ткань точно не успела бы. Зато у Нао было достаточно времени, чтобы умыться и почистить зубы в тепле, под крышей, а не балансируя на раскисшем берегу с щёткой в одной и круглой коробочкой в другой руке. В дороге такие простые вещи вроде сухого полотенца или горячей воды ценились особенно сильно.

Спустившись в некое подобие общей комнаты, Нао обнаружила Ингвальда, сидящего в кресле и задумчиво кивающего в ответ на какие-то слова хозяина гостиницы.

«Неужели он всю ночь болтал без умолку?» - про себя улыбнулась девушка. Охотник отвлёкся от созерцания стены, хмыкнул и едва заметно покачал головой. Нао засмеялась, и на звук её голоса обернулся хозяин, лицо которого лучилось нескрываемым довольством:

- О, вита, доброе утро! Садитесь-садитесь, сейчас я принесу вам завтрак!

- Доброе, вит - охотно согласилась Нао. – Спасибо.

Кресла, несмотря на громоздкий вид, весили немного, и она без труда подвинула своё ближе к столу. Ингвальд указующим жестом обратил её внимание на изящный кувшинчик для фьёра⁷ и блюдо, полное ярко-фиолетового печенья. Волей-неволей Нао задумалась, что поражаало больше: странный цвет или по-настоящему огромные размеры тарелки?

- А... - вполголоса начала она заговорщицким тоном, наклонившись поближе к чашкам.

- О, не переживай, на пару часов он всё-таки дал мне отдохнуть, - в унисон ей ответил Ингвальд. Небрежно закатанные рукава и расстёгнутый воротник помятой тёмно-серой рубашки сами по себе говорили немало, но ещё явственнее был реющий над ним призрак не случившегося сна.

- Уж извини, не поверю... Кстати, сомнительное у печенья происхождение, - иронично заметила Нао и как можно более незаметно подтянула горку к себе, игнорируя только что поставленную на стол миску с горячей кашей.

- Разумеется, оно ведь на крови – безвинной крови смородины... Полагаю, жертв при его создании было достаточно!

Нао со смеху подавилась фьёром и, откашлявшись, на пару с Ингвальдом принялась опустошать блюдо. Она до того любила сладкое, что дома постоянно выпрашивала интересные рецепты и подбивала маму испечь что-нибудь эдакое. Будь на то воля Нао, она бы с наслаждением вычеркнула из обеда и ужина и первое, и второе, оставив только десерт, но родные её убеждений не разделяли.

- А с утра ты гораздо приветливее, знаешь ли, - с ноткой одобрения заметил Ингвальд.

- Ну, сейчас-то я сытая, выпавшаяся... К вечеру наверстаю, не о чем беспокоиться! –

⁷ Фьёр – напиток, получаемый путём заваривания предварительно подготовленного растительного сырья. Заваривают и настаивают фьёр в специальной посуде – кувшине с высоким зауженным горлышком, куда помещают собранный материал, наливают холодную воду и ставят на жаровню с горячим песком. В разных районах имеются свои тонкости приготовления этого напитка, начиная от используемых трав и заканчивая способом заварки. Чаще всего подаётся горячим.

беззаботно парировала Нао, отбросив мысль о долгом тяжелом пути, что ждал их.

Утро звенело прозрачной водянистой свежестью. Нао вздрогнула и поёжилась, когда ей за шиворот упала большая холодная капля. Сквозь листья на дорогу пробивалось солнце, ясно дававшее понять, что днём будет жарко, безумно жарко, но пока что ясная прохлада не позволяла сонливости пробраться в кровь.

- Надеюсь, ты не сердишься на меня за вчерашнее любопытство? - с хитринкой спросил Ингвальд. - Это всё моя лисья родословная.

Нао с немалым удивлением взглянула на него, дожёвывая ломтик сушёного яблока – мешочек с ними Ингвальд обнаружил в каком-то из карманов и без лишних раздумий высыпал половину в ладонь Нао.

- Лисья? Правда, что ли?

- Ну, да, горные лисы как раз очень любопытны, хотя и осторожны, конечно. Впрочем, их к тому сама жизнь обязывает.

Нао чуть-чуть подумала и предположила:

- На них ведь охотятся?

- Да, всё дело в окраске: белый мех, дымчатая мордочка и тёмная полоса вдоль спины. Такого почти нигде не встретишь – зверям с необычной расцветкой очень сложно защититься... - Ингвальд продолжил после короткой паузы: - Само собой, когда охотники зачастили в горы, лисы стали куда более скрытными. Чтобы выманить молодняк из норы, нужно показать, что ты безобиден, лишь тогда они захотят посмотреть на тебя поближе, узнать: кто такой, откуда явился?..

- А потом что? Ножом по горлу? – жёстко перебила Нао.

- А потом ты ругаешься, собираешь по камням оружие и смотришь вслед сверкающим пяткам или заводишь светскую беседу о погоде, о ценах на зерно...

Ответом ему было написанное на лице непонимание, и Ингвальд поспешил разъяснить:

- У местных оборотней⁸ звери очень похожи на горных лис, и некоторые нарочно дурят народ, чтобы те больше не возвращались сюда охотиться. Мало, в общем-то, приятного весь день гоняться за лисой и потом остаться ни с чем. А для мальчишек это... ну, скажем, проверка на храбрость – как залезть в заброшенный дом или сигануть в воду с высокого камня.

- И... никто не боится погибнуть? А если просто ударят из арбалета, и уже потом будут разбираться – оборотень ли?

- Так ведь на горных лис охотятся именно из-за меха. Вряд ли кто в здравом уме не станет отбирать у себя половину выручки. Да и вспомни себя в том возрасте: ты ведь наверняка тайком на какие-нибудь крыши залезала?

- Мы ничем опасным не занимались, - буркнула Нао, которая не перестала прыгать с крыш даже после того, как чуть не сломала ногу, - придурь какая-то.

Она не успела ещё договорить, когда Ингвальд крепко ухватил её за локоть и знаком

⁸ Оборотни – вторая основная раса О’Стад, разделяющая два обличия – человека и животного. Живут чаще всего поселениями, иногда поодиночке. Мало отличаются от людей или животных физически: так, их раны заживают со скоростью, обычной для того, в чьём облике они находятся на данный момент. Превращения никак не связаны с внешними факторами вроде положения небесных тел или времени суток. Бытует мнение, что человека нельзя сделать оборотнем, но это не так. Существует древний ритуал, позволяющий изменить сущность; выполнение его сопряжено с рядом трудностей и требует от инициатора хороших познаний в магии. Ошибка в худшем случае приводит к смерти обеих сторон. У оборотней-птиц данный обряд запрещён, поскольку невозможен. Несмотря на то, что оборотни сами по себе являются магическими существами, далеко не все из них умеют колдовать. Самые известные виды – волки, лисы, кошки и птицы – совы, соколы, вороны. Время от времени проходят слухи о «других» оборотнях – драконах, мелких птицах, медведях и т.д., но такие существа чаще оказываются пришельцами с других планет, и с оборотнями О’Стад имеют ряд принципиальных различий.

показал: молчи. В густо-синем прищуре таяла настороженность; девушка собралась, тут же завертела головой, но ничего не заметила.

- Что случилось? – негромко спросила она.

- За нами кто-то идёт, - так же тихо, - Сначала я этому особого значения не придавал, а зря. Слышишь?

Нао изо всех сил напрягла слух, но как она ни силилась различить далёкую поступь – в ленивой утренней суете не было и следа чужого присутствия. Не дожидаясь ответа, мужчина спешно дёрнул Нао с дороги, велел ждать здесь и исчез. Она сообразила укрыться за широким кряжистым деревом, но унять вспухающую грозой облаком тревогу не смогла. Чем дольше не было Ингвальда, тем больше ей хотелось сорваться с места и помчаться прочь, отбрасывая хлещущие по рукам и ногам древесные лапы. Кто мог их преследовать? Вор, получивший наводку от болтливого постояльца? Заплутавший бродяга? Дикий зверь? Дурное предчувствие ширилось комком в горле, и его никак нельзя было проглотить или махнуть рукой.

В просвете между ветками тракт был пуст, и Нао рискнула высунуться сильнее, чтобы оглядеться. От долгого стояния в одной позе всё тело затекло, но едва она переступила на месте, как нога сорвалась с влажного от утреннего тумана корня; кто-то сзади подхватил Нао и поставил на место. Она торопливо обернулась, смазав мир вокруг в одну цветную полосу, и перехватила открытый взгляд светло-карих глаз. Парень, чуть выше неё самой, улыбнулся чуть-чуть растерянно, машинально взъерошил тёмно-русые волосы и сделал шаг навстречу, но Нао отскочила в сторону.

- Не подходи ко мне! – рявкнула девушка, чувствуя, как внутри что-то закипает. Облегчение мешалось с недоверием и злостью на этого дурака. И он заставил её так испугаться!..

- Какого Грайма ты меня выслеживаешь? – повысив голос, спросила она. Тот поспешно выставил перед собой раскрытые ладони, словно они могли защитить от её гнева.

- Альтис, ещё раз спрашиваю: что ты здесь делаешь? – девушка сощурилась и потянула руку назад, к левому голенищу.

- Погулять вышел, - нервно пошутил он. – Дай хоть отдышаться, я же вас никак нагнать не мог!

- Ну, да, трудно ведь без облавы кого-то выслеживать?

Лицо Альтиса неуловимо изменилось – оно как-то разом подурнело, словно погас невидимый свет, мягко преображавший его изнутри. Сразу резко обозначились острые скулы, синеватые круги под глазами, тонкий шрам, пересекавший висок, и второй – над бровью... Исчез тот, кого Нао знала с детства; в нём остался только охотник. Другой, не знакомый ей человек.

- А чем ты лучше меня, а, Нао? Ты, помнится, сбежала из дома и довела мать до того, что она слегла? Как думаешь, почему я здесь стою – из собственной прихоти?

Нао ахнула, чувствуя, как горячо стало лицу от прилившей крови.

- Не смей даже говорить о ней! – перед лицом Альтиса мелькнуло что-то светлое, он отшатнулся, и в тот же момент кто-то перехватил занесенную руку Нао, не давая ударить.

- Ингвальд, не мешай, пожалуйста, - напряжённо и зло попросила та, не глядя в сторону. Мужчина вопросительно поднял бровь.

- Вы знакомы?

- Более чем, - сквозь зубы процедила Нао. – Позволь представить, это – Альтис, один из тех «героев», принимавших участие в... ну, скажем так, в «спасении» деревни.

Застывший в стволе нож был, пожалуй, даже красноречивее всего сказанного.

- А что вы здесь вообще-то делаете, молодой человек? – осведомился охотник у

виновника своеобразного «торжества».

Альтис сердито хмыкнул, прищурился, отчего стал казаться ещё строже и старше, и дёрнул головой в сторону Нао:

- Её мама попросила меня найти Нао, по возможности вернуть домой. Если не получится – хотя бы с ней пойти, и мне что-то не очень хочется возвращаться назад и объяснять матери, почему её дочь пешком в одиночестве идёт в Линстальф, тем более, какими-то просёлками.

- Наступи на ятлу⁹! – огрызнулась та. - Я не собираюсь возвращаться, а уж особенно – с тобой!

- И что я должен буду сказать? «Извините, вашего мужа загрызло в лесу какое-то чудовище, а дочка ушла в столицу искать счастья»?

- Ингвальд, отойди! – Нао попыталась выдернуть руку, но хватка была железная. – Это не твоё дело, в конце концов!

- Спокойно, - осадил её охотник, - не стоит пороть горячку только из-за того, что тебе не нравится человек. В чём-то он ведь прав?

- Ну, не могу я вернуться, не могу! – в голосе Нао явственно послышалось отчаяние. - Я знаю, я всё знаю, но мне нельзя домой!

Альтис хмуро предложил:

- Я могу пойти с вами.

- Значит, тогда остаюсь я!

- Нао, не дури... - попытался вразумить ее охотник, но та в ответ рыкнула:

- Да хватит уже... - Ингвальд мгновенно зажал ей рот и замер, настороженно вслушиваясь. Не прошло и десяти минут, как тишину наполнили голоса, звон оружия, смех. Кто-то из идущих по дороге выругался, и раздался глухой стук, сопровождаемый дружным хохотом. Было сложно не признать в бродягах лесных разбойников, свободных в этом краю и вполне довольных таким положением дел. Они жили так, как считали единственно верным: просто и жестоко, а потому попасться к ним в лапы означало лишь одно – и все трое знали это не понаслышке. Пока Ингвальд с Альтисом вполголоса переговаривались, Нао подобрала в траве медальон в светло-бурых разводах. Внутри обнаружился маленький искусно выполненный портрет мальчика, видимо чьего-то сына. Украшение выскользнуло из рук, холодное, мёртвое, и ударилось о землю. Нао молча глядела перед собой и пяткой ковыряла опавшую листву. Вокруг как ни в чём не бывало пели птицы, издевательски голубело небо...

На душе было удивительно мерзко.

К вечеру хлынул дождь, загнавший их на очередной постоялый двор. Здесь Нао почувствовала себя легче – едва ли кто-то из убийц осмелится показаться в месте, где так много людей. Не так уж сложно запомнить человека, особенно обладающего приметам – будь то шрамы, необычная внешность, одежда или – нарочитая небрежность в обращении с деньгами.

Надеясь, что её обдует ветром, и потяжелевшая голова освободится от узкого марева боли, Нао вышла на задний двор, встала под яблоней и подставила лицо каплям дождя. В темноте дерево казалось страшным, скрюченным; было что-то очень неприятное в листьях, висящих мокрыми тряпками. Сквозь ровный мерный шум пробивался голос, показавшийся ей смутно знакомым. Девушка огляделась, подпрыгнула, ухватила за ветку повыше,

⁹ Ятла – мелкий кустарник, растущий в основном в горной местности. Свою славу получил из-за того, что ствол и ветви этого растения покрыты длинными крепкими шипами, которые могут пробить даже подошву сапога. Когда-то напутствие наступить на ятлу было шутивным пожеланием удачи, но время превратило его в ещё один способ выразить человеку своё неодобрение.

подтянулась и повисла на руках. Упёршись ногами в дерево и вытянув шею, она, наконец, смогла разглядеть в окне силуэт высокого худощавого мужчины, в волнении ходившего по комнате и размахивающего руками; в кресле напротив развалился ещё кто-то, но его Нао уже не видела. Внезапно девушку осенило: ведь это их голоса она слышала в лесу. Высокий довольно рассмеялся, и никаких сомнений не осталось – они.

Нао, скользя по мокрой коре подошвами, спустилась на землю и побрела к крыльцу. Только сейчас она позволила себе задуматься, почему грабители, хотя и славившиеся дерзостью налетов, но всегда искусно запутывающие следы, позволили себе так открыто идти – по главному тракту, да ещё и днём. Ни о какой «игре в прятки» не могло и речи быть – эта шайка чувствовала себя совершенно безнаказанной. Стало быть, неподалеку их поджидали товарищи, и не пара-тройка человек, а много, много больше. Не было принято у этих людей и экономить на оружии, иначе им было бы не выжить в вечных стычках. Холодок, ползущий по спине, превратился в настоящий мороз; Нао со всех ног рванула вверх по лестнице и едва не столкнулась с Ингвальдом, выходившим из комнаты.

- Там те... Которых мы... Эти, в лесу... - сбиваясь, ответила Нао на незаданный вопрос.

Тот посерьёзней:

- Пошли в нашу комнату, расскажешь... без какой-то доли лишних ушей.

Закрывшаяся дверь не гарантировала безопасность, но это было хотя бы что-то, и Нао, опасливо понижая голос, сказала:

- Я видела их в окне, этажом выше. Похоже, обсуждали что-то важное, хотя не знаю.

- Уверена, что они?

- Сначала – нет, думала, что показалось. Но потом... - Нао поморщилась. – Это точно они.

Ингвальд побарабанил пальцами по столу, сумрачно протянул:

- Думаю, нам больше не стоит здесь задерживаться. Альтис...

Парень издал неразборчивый звук и поднял брошенную на кровать куртку. Сумку он, по счастью, разобрать так и не успел.

- Нао, поднимаешься сейчас к себе... постарайся не привлечь ничьего внимания. Когда соберёшь вещи – выходи через заднее крыльцо, главным входом нам пользоваться ни к чему. Хорошо?

Нао кивнула; словно во сне она добралась до своей комнаты, как придётся затолкала обратно всё, что успела выложить, и подошла к окну. Открыв его, девушка высунулась почти по пояс, обшаривая взглядом грозовую темноту. Дождь продолжал хлестать, заливая все возможные и невозможные дороги. «И как мы куда-то пойдём?» - равнодушно подумалось ей. С другой стороны, Нао готова была ручаться, что те двое оказались здесь не просто так. Как и когда они ошиблись, по-прежнему оставалось загадкой, а всё происходящее казалось скверным сном, однако гораздо важнее было другое. Нао чувствовала опасность как разлитый в воздухе яд, и потому, когда в дверь постучали, она не удивилась и не испугалась, а ударила ногой в створку, крепче сжала в руке ремень, ступила на край рамы и прыгнула из окна.

Глава 3.

*Не дом на высоком валу крепостном,
Я – память о доме моем.
Не друг твой, судьбою ниспосланный друг,
Я – выстрела дальнего звук.
А.А. Тарковский «Книга травы»*

- Просто история имеет обыкновение повторяться, - оправдывающимся тоном заметил Ингвальд.

Нао покосилась на него и неожиданно для себя расхохоталась.

- Ну, нет, ещё одной такой ночи я никому не пожелаю, - вытирая лоб, сквозь смех сообщила рыжеволосая девушка. Она вся была в грязи, и предыдущий жест привел лишь к тому, что бурые полосы превратились в одну широкую. Глядя на Нао, улыбнулся и Альтис, тоже вымокший насквозь. Минувшая ночь не изжила засевшей в обоих упрямой вражды, но всё же, когда Нао чуть не рухнула в овраг, именно он бросился на помощь. Едва-едва начинало светать, а троица уже почти добралась до небольшого городка Тарга. Нао снова улыбнулась и словно перевела дух, вспоминая события прошлой ночи – а ведь она могла бы и не стоять здесь...

...Растущее под окном дерево здорово смягчило удар, но Нао вывернула плечо, зацепившись рукой за толстый сук. На мгновение ей показалось, что из глаз и правда полетят искры – настолько вся рука, от плеча до кисти, отозвалась болью. Девушка перекинула сумку за спину и опасливо озираясь, бросилась к крыльцу. Вопреки её ожиданиям, там никого не было. Нао постояла, прислушиваясь к звукам внутри дома, но разбирала она лишь шум воды, да свое дыхание. Из рта вырывался пар; одежда сразу промокла и уже совершенно не грела. Внезапно в доме раздался грохот, дверь отлетела к стене, распахнутая резким ударом, и на крыльцо буквально вылетел Альтис. Следом за ним появился Ингвальд, который на фоне Альтиса казался неспешно и вальяжно идущим аристократом. Между тем, скорость их передвижения впечатляла: когда охотник ухватил Нао за плечо и дернул за собой, она не удержалась на ногах и кубарем полетела со ступенек. Ингвальд тут же поставил девушку на ноги и, не сбавляя шага, объяснил:

- Ты оказалась права, это действительно наши знакомые. Так что пришлось проявить уважение, провести беседу... Именно поэтому нам задерживаться здесь не стоит.

Нао просто кивнула, чтобы не сбить дыхание. Бег на скорость не был её коньком, поэтому приходилось отдавать все силы, чтоб просто не отстать. Зато Альтис засмеялся – как-то очень странно, рывками:

- А руку вы ему сломали... тоже из уважения?..

- О, нет, это по причине несовпадения наших взглядов на одно дело.

- И... что за дело? – да, Альтису, кажется, было не лучше – парень старался не отнимать правой руки от рёбер – сломанных? В лучшем случае – просто треснувших.

Ингвальд усмехнулся.

- Чуть позже расскажу. Обязательно. Когда оторвёмся.

«Если вообще оторвёмся,» - хотела добавить Нао, но безостановочная гонка её чудовищно изматывала, не оставляла шанса не то что ответить – просто вдохнуть и не захлебнуться этим глотком воздуха.

Дорога тем временем становилась всё хуже. Нао не могла с точностью разделить, где камень сменили хлябь и грязь, но это было совсем не важно. Местами ноги увязали почти по щиколотку, несколько раз её по лицу чувствительно хлестнула ветка, да вдобавок ко всему мокрая земля отчаянно скользила под ногами. Если бы её не подхватывали то с одной, то с другой стороны, Нао уже давным-давно очутилась бы где-нибудь в придорожной канаве. Больше всего она боялась подвести своих спутников – отстать или потерять из виду, и именно поэтому продолжала бежать, наплевав на усталость и темноту в глазах. Сколько они уже вот так петляли по лесу? Достаточно ли для того, чтобы запутать след?

Когда Альтис вдруг остановился, Нао по инерции сделала ещё пару шагов вперёд, и, конечно, немедля поскользнулась.

- Где мы? – выдохнула она, впиваясь пальцами во влажную землю.

- Один из торговых путей к Ир-Тайху, - после некоторой заминки сообщил Ингвальд, выглядывая одному ему известные ориентиры. - Если меня не подводит чутьё, то мы можем пойти через Тарг – там будет, где остановиться.

Тучи начинало растягивать, и чёрно-синее небо кое-где прошили светлые штрихи звёзд. В ночном полумраке деревья казались небрежными угольными штрихами по непросохшей краске – дальше двух-трёх шагов ничего нельзя было различить.

- Ужасно рада, что мы все целы и даже не заблудились, - буркнула Нао, и на нетвёрдых ногах зашагала в сторону дороги. Альтис окликнул её, поморщился:

- Куда тебя понесло?

- Хочу куда-нибудь, где есть камни. До смерти надоело падать в грязь, представляете?

- Далеко не уходи, место незнакомое, - предостерёг охотник. Она кивнула:

- Ладно.

Удаляясь, Нао расслышала негромкую речь Ингвальда; может быть, он что-то объяснял, а может, просто рассказывал, не так уж это было и важно.

Довольно быстро девушка набрела на родничок с прохладной, но отдающей болотом водой. После недолгих колебаний Нао напилась из него, пригладила волосы и выпрямилась, вглядываясь в темноту. Осознание собственной глупости пришло внезапно: дорогу она не запоминала и теперь совершенно не знала, куда идти. Сознание подёрнулось колышущейся плёнкой страха, но девушка из последних сил одёрнула себя: «А ну не смей! Думай!». Осторожно пробуя путь перед собой, она выбралась из самой чащи; на мгновение Нао показалось, что почва под ногами стала мягче и словно бы слегка просела, но это странное ощущение длилось так недолго, что она решила – просто показалось. Ещё пару минут она шла наугад, прикрывая лицо от веток руками и вслушиваясь в каждый звук, а потом темнота впереди разверзлась глубокой, крошечной чёрной пастью. Нао не успела даже испугаться – ноги её проехали по мокрой земле, она рванулась, ударила боком об острые камни и полетела вниз. Каким-то чудом ей удалось схватиться за ближайший выступ: падение остановилось, но нащупать опору под ногами никак не получалось. Услышат ли её, если сейчас позвать на помощь?

- Эй, кто-нибудь!.. Помо...

Чужая рука схватила Нао за запястье, без особого труда вытащила из западни, и она нос к носу оказалась с рассерженным Альтисом.

- И какого Граймова недоноска ты тут делаешь? – прошипел парень.

- Тебе не кажется, что это моё дело? – фыркнула Нао и поспешно добавила: - За то, что вытащил, спасибо, конечно.

- Да неужели? – в темноте различить лицо Альтиса было сложно, но почти наверняка он сейчас саркастически скривился. – Стоило оставить тебя одну, как ты тут же нашла себе пропасть по вкусу. Могла бы и сказать, что хочешь немного попадать в ямы, мы бы всё поняли и дали пинка на дорогу.

Кулак Нао сжался сами собой. И это он-то будет её отчитывать?

- Идём уже, и так столько времени за болтовнёй потеряли, - бросила девушка.

К счастью, Альтис отреагировал на ее реплику простым пожатием плеч, которое пока что тоже не давалось ему легко. Старший товарищ явно знал, как правильно сделать перевязку, чтобы не усугубить повреждения, но прежде чем боль утихнет, пройдет ещё несколько дней...

Узкая фигурка впереди поёжилась, и Альтис набросил ей на плечи свою куртку, не обращая внимания на резкую ответную реплику. Вдвоём они выбрались из чащи гораздо быстрее, чем Нао забрела туда. Похоже, что вымотались сегодня все – Ингвальд тоже

воспринял произошедшее как данность, и вопросов не задавал. Хотя бы вслух.

- Собираемся, да? – жалобно шмыгнула носом Нао.

- Ну, как сказать... Я лично не против развести костёр и обсохнуть, потому что у меня вода в сапогах хлюпает так, словно я по дну реки иду, – поморщился охотник и глянул неожиданно лукаво. – Повторим вопрос с огнём?

Порядком смущённая девушка покраснела и буркнула под нос:

- Лучше не стоит... Да и ведь всё отсырело напрочь, какой уж там костер...

... - А что такого, ночь как ночь, разве нет? – подмигнул девушке Ингвальд.

- То есть вот каким образом предпочитают развлекаться здешние охотники? Не удивлена тем, что вас считают отчаянными людьми!

- Людьми, Нао, людьми...

- Подожди, так ты действительно... - изумлению Нао не было предела. Но если все эти разговоры и намеки на родство с лисами – правда, почему же Ингвальд ни разу не воспользовался способностью к оборотничеству? Да и не отличался он от них ничем, разве только в темноте видел лучше, но и Альтис мог похвастаться почти тем же – видимо, сказывались привычки охотника.

- Моя мать не единожды упоминала, что в нас обоих есть кровь оборотня-лиса, и потому другие всегда звали нас полукровками. Но, увы, эта сторона во мне никак не дала себя знать, так что хотя я и не привык считать себя человеком, никем другим, по сути, не являюсь.

- Жалко, – едва слышно вздохнула Нао, – Но как человек ты тоже очень даже ничего, правда...

- Самая ёмкая моя характеристика! – рассмеялся Ингвальд.

В Тарг они вошли ещё до полудня. Нао тут же разинула рот и с восхищением стала оглядываться – раньше ей не приходилось выбирать так далеко от дома, да и в городе она бывала всего пять или шесть раз; один – когда была совсем маленькой. Она мало что помнила из той поездки, разве только кулёчек ягодных леденцов, подаренный ей в первой же лавке, холодную дымку, сияющую мириадами искр, скользкий мост над замёрзшей рекой и потерянную перчатку – зелёную, с дыркой на мизинце. Все разговоры о дальних странах Нао слушала жадно, впитывая подробности и представляя, как однажды вырастет и...

Выросла. Сбежала из дома и тут же сплеховала.

«Вряд ли отец рассчитывал, что я брошу дело на полпути, ведь так? Или... Нет, сначала нужно добраться до столицы!» - Нао решительно одёрнула себя и, оторвавшись от воспоминаний, обнаружила, что они уже довольно давно петляют тихими переулками. Судя по невозмутимым лицам спутников, это было правильно. То, что Ингвальд здесь уже бывал, Нао поняла лишь когда они зашли в небольшой трактир на углу улицы. Людей там было очень немного, и это показалось ей удивительным, ведь помещение было светлым, чистым и каким-то... уютным?

- Просто здесь считается, что расположить свое заведение на углу может только безумец – это отпугивает удачу. А есть и те, кто не подозревает о его существовании, – вполголоса подметил Ингвальд.

- И откуда ты всё это знаешь? – оторвавшись от тарелки любопытствовала Нао. Альтис, которого она незаметно пнула за сравнение тыквенного супа с цветом её волос, благоразумно молчал и в беседу не ввязывался.

- Приходилось много путешествовать, да и хозяин этого места – мой старый знакомый. Довольно давно я одолжил ему денег, когда он был в затруднительном положении, и теперь Арун каждый раз ради меня готов хоть на край света сбегать, если мне вдруг понадобится

удостовериться, что этот самый край существует.

- Хорошо иметь знакомства в любом уголке планеты, - задумчиво протянула Нао, отпив густого горячего фьёра, который согревал ничуть не хуже крепкого вина.

- Удивительные создания – люди, ты не находишь? – благожелательно спросил белый, как лунь, старик у вошедшей в комнату темноволосой женщины.

- О чём ты, Феальдор? – она слегка склонила голову и суть прищурилась, словно хотела что-то получше разглядеть.

- Мы всё время чего-то желаем, за чем-то рвёмся, умоляем, выпрашиваем подачки у судьбы, совершенно не задумываясь, что, в сущности, нам дано гораздо больше, чем мы даже смеем мечтать. И эта жадность не дает нам жить по-настоящему, а тех немногих, кто знает, что имеет, мы считаем безумцами...

Женщина с немалой грацией опустилась на соседний стул, и откинула с глаз набежавшую волну тяжёлых чёрных волос: - Но ведь сойхо доступно это знание – и не только.

- И мы ничего не можем сделать, - тяжело вздохнул старик, - Иногда возможность не слышать и не видеть кажется мне куда более предпочтительной, а в последнее время – всё чаще.

- Мы сами избрали для себя такую судьбу, каждый из нас. К чему кого-то винить? Даже ты мог отказаться.

- В отличие от нас, девочке выбирать не придётся... да и уже не пришлось. Сильвия, прошу тебя об одном – не оставь её в нужде. То, чем она владеет, слишком тяжелая ноша даже для самого опытного сойхо, не говоря уже о такой юной девушке.

Сильвия усмехнулась:

- Не знаю даже, каким богам молиться о ней? Мы не свет и не тьма, никто – между небом и землей. Да хранят тебя Тени Ушедших, Нао...

Старец лишь склонил голову, выражая свое согласие.

День был очень тёплым и безветренным; когда они вышли из трактира, Нао с удовольствием подставила лицо солнцу. Всё складывалось как нельзя лучше: только что она обогрелась и отлично пообедала, при этом у девушки даже остались какие-то деньги! Теперь путники направлялись к мосту, про который Ингвальд рассказывал всякие чудеса: будто бы его назвали Поющим не случайно, а из-за удивительных резных птиц на перилах, держащих в клювах крошечные, еле заметные колокольчики. То был подарок городу от какого-то богача, проезжавшего мимо. Странно, конечно, что высокой особе могла понравиться эта пёстрая сумятица, но чего не бывает на свете? А мост и в самом деле был прекрасен. Малейшее дуновение ветра заставляло колокольчики позванивать нежно и ласково, и этот звон снова напомнил Нао о матери. Как она там сейчас, совсем одна? Из тяжких раздумий Нао выдернул Альтис, замерший прямо посреди дороги. Она в который раз чуть не сшибла его с ног, но тот даже не обратил внимания.

- Ты чего?

- А? Нет-нет, ничего, просто примерещилось... Лицо знакомое, вот и всё, - пожал плечами Альтис.

Нао изобразила на лице сочувственное понимание и выдала что-то среднее между «ага», «угу» и «кто?». Альтис, изо всех сил сдерживая смех, толкнул её в плечо:

- Таких звуков люди ещё не изобрели... Помнишь старого Грэга, у него ещё внук был – тощий такой парень, волосы у него почти белые? – Нао согласно кивнула, и он продолжил. – Мне вот показалось, я его здесь видел. А, может, и в самом деле он, только что ему здесь делать?

- На путешествия потянуло?

- Да куда он поедет, старику совсем плохо, не сегодня – завтра умрёт...

Нао справедливо заметила:

- Тебя вот две сестрёнки не остановили.

Парень, не задумываясь, поправил:

- Три.

- Ещё одна младшая? – поразила девушка. – Ничего себе, поздравляю!

- Спасибо, - без особого восторга ответил Альтис, физиономия которого на короткий миг обрела замученный вид. – Ты даже не представляешь, какие сейчас дома крики.

- Зато с ними не соскучишься.

- Я бы всё-таки предпочёл скучать, а не снимать кого-нибудь со шкафа вместе с закинутой туда куклой, - печально заметил он.

Но на это Нао могла лишь развести руками.

К вечеру они снова оказались в лесу, и Нао слегка воспряла духом – город, несмотря на свою красоту, внушал ей смутную тревогу, словно что-то вот-вот должно произойти.

- Может, остановимся? Смеркается уже... - подала голос девушка.

- Мы до Ир-Тайха и через год не доберёмся, если так идти будем, - привычно заспорил Альтис.

- И так уже ночь не спали, по лесу бегая! – взвилась Нао, - Я живой туда попасть хочу, а не бродячим мертвецом из паршивых городских сплетен!

Альтис хмыкнул и собрался было ответить колкостью, но Ингвальду явно надоело слушать их постоянные препирательства, и мужчина отправил обоих собирать дрова для костра.

- Я очень надеюсь, что вы друг друга не перебьёте, отойдя на несколько шагов, - голосом он отчетливо выделил второе слово, и Нао с Альтисом – хочешь - не хочешь, а надо – отправились выполнять поручение. Впрочем, жаловаться им не приходилось: очень скоро совсем стемнело, и как пришлось бы бродить в этой проклятой темноте... А сейчас костёр разгорался всё жарче, огонь высоким светлым языком вырывался из-под шалашика поленьев, вырисовывая на лицах сидящих рядом причудливые узоры.

- Вот бы сейчас кого из Светлого народа¹⁰ встретить да попросить у них фонарик или два... - мечтательно прищурилась Нао.

- В здешних лесах о милости лучше просить Ищущую – говорят, где-то здесь и был ее дом, только очень, очень давно, - Ингвальд подбросил в огонь ещё пару веток.

- Ищущая?

- Ты разве никогда о ней не слышала? – Нао поспешно замотала головой и подпёрла кулаком подбородок в ожидании очередной интересной истории или легенды... Да даже городские сплетни в пересказе Ингвальда казались чем-то необъяснимо совершенным! Мужчина посмотрел на замерших Нао и Альтиса, и рассмеялся:

- Чувствую себя как много лет назад: снова передо мной сидят двое детей, и снова ожидание сказки в воздухе, - пояснил он, - Но предание об Ищущей – не совсем сказка... Хотя судить, конечно, вам.

¹⁰ Светлый народ – третья и древнейшая из основных рас планеты. Получили такое имя из-за самого распространённого среди них цвета глаз – светло-серый. Живут (соответственно, и стареют тоже) намного медленнее людей и оборотней, вследствие чего несколько отстают в развитии как цивилизация. Вместе с тем, ими совершается значительное количество открытий и весьма оригинальных изобретений. С представителями других рас общаются не слишком близко, но охотно поддерживают торговые отношения. Имеют собственный язык, разговаривать на котором кроме них могут лишь немногие, однако отдельные слова используют все жители О'Стад – это названия звёзд, растений, лун и пр.

«Когда-то леса близ столицы были не такими непроходимыми, а среди вековых сосен таилось роскошное поместье, в котором со своей семьей жил один весьма знатный граф. Время не сохранило его родового имени, но как звали дочку, люди помнят до сих пор. Хотя спорят и об этом, причём немало: кто-то зовет её ярко и светло - Тангвен, иные вспоминают словно бы вешнее имя Фарберта, бывают те, кому покойней и желаннее звать на помощь Каренн, а есть такие, что окликают Ищущую коротко и ласково - Улли... По большому счёту, правы они все, потому что у Ищущей сотня обликов, и лишь одно лицо.

Говорят, что семья графа никогда не знала трудных времён, беды и горести словно бы стороной обходили этот счастливый дом. Разве что единственная печаль была у родителей – никто не спешил просватать их дочь, но она сама ничуть не расстраивалась, и ко всем вокруг относилась тепло и радостно. Кто знает, как сложилась бы её жизнь, ладно ли, да и была бы она утешением своим родителям на старости лет? Однако вышло так, что забрел в те края менестрель, и тихая Улли единственный раз в жизни полюбила со всей силой – и, как оказалось, навсегда. Но не этого бродячего певца, нет – она всей душой прикипела к воле, к свободе, о которой пел юноша. Он сегодня был здесь, а завтра там, знал всех и вся, чудеса окружали его и опасности ничуть не тяготили храбреца. А она? А она была обречена держаться в рамках приличия, светского воспитания, вести себя как надо, а не как хочется.

И Улли сбежала, потому что ни за что на свете родители не отпустили бы её одну, да еще и неизвестно куда, за призраком, тенью, пережитком прошлого! Потому она долго скиталась по дорогам, сама не зная, что ищет или кого... Бродячего певца Улли так и не встретила, но сама научилась играть на флейте и складывать чудные песни, которые мало кто понимал по-настоящему, а всё же как зачаровывали эти мотивы! Время шло мимо неё, и девушка совсем не изменилась, но когда решила навестить родителей, то не нашла своего дома. С тех пор ее стали называть Ищущей, эту вечную странницу. Путешественники просят её о милости, словно божество, и хранят у сердца пучок вереска да полыни – её любимых когда-то трав, чтоб не оставила она в трудную минуту, чтобы песня была – живая, настоящая, а если вдруг смерть – то легкая и нестрашная. Благоволит она к менестрелям и тем, кто ищет – но ищет по-настоящему, всей душой. Такому человеку она непременно поможет – пошлёт ли вещий сон, а то и друга верного, который из любой тьмы выведет. А ещё говорят, что с тех пор странница никогда не смыкала глаз, и бродят её сны по земле, такие же вечные скитальцы, как и она. Ищущая не огорчается – она верит, что ещё немного, и она сумеет отыскать свой дом. Кто знает? Девочка, которую когда-то звали Улли, обошла весь свет, и как знать, не нашла ли она в самом деле свой дом, который оставила сотни лет тому назад?..»

Глава 4.

*Благодарю за каждый
Глоток воды живой,
В часы последней жажды
Подаренный тобой.*

А.А. Тарковский «Вечерний, сизокрылый...»

Наутро всё оказалось гораздо хуже. Открыв глаза, Альтис увидел сизую мокрую траву, в которой мешались рыжие хвоинки, шишки, незнакомые мелкие цветочки и округлые кожистые листья. Ингвальд сидел чуть поодаль, спиной к нему, Нао с сосредоточенным видом уткнулась носом в дорожную сумку, занимаясь очень важным делом: она досыпала оставшиеся ей две или три минуты. Альтис полежал ещё немного, разглядывая провисший ярко-синий лоскут неба, то тут, то там испещрённый крылатыми чёрными фигурками, и поднялся на ноги, собираясь пойти к реке. Умиравший костёр пыхнул снопом искр и пепла,

Альтис закашлялся, и трава в дымке утренней росы бросилась ему навстречу. Тупая боль в правом боку раскинула куда-то вглубь огненные лепестки, превратилась в сотню ножей, рвущих лёгкие на части.

- Трещина, - заключил Ингвальд, ощупав пострадавшее ребро, - может быть, и перелом. Нам надо где-то остановиться, иначе вообще идти не сможешь.

Единственным выходом было возвращаться в Тарг, ближайший город, где они могли найти лекаря и крышу над головой. Хмурая Нао, роняя холодные капли с рук, отпоила его чем-то мятным, сладковато-горьким, и боль слегка притупилась, при каждом вдохе возвращаясь хлёстким ударом. Альтис второй раз за утро встал на ноги, чихнул и искренне пожалел, что прошлой ночью не свалился с первого же обрыва.

Друг Ингвальда не взял с них денег, пустив пожить в комнате прямо над трактиром. Конечно, пришлось слегка потесниться, но зато здесь было светло, чисто, и не было нужды беспокоиться о множестве вещей вроде еды или костра. В конце концов, дом есть дом. Взамен они выполняли поручения Аруна, помогая тому по хозяйству, но это было даже хорошо: появлялась возможность занять себя во время случайно свалившейся на компанию передышки. А передышка, надо сказать, затягивалась.

Усевшись на пол рядом с кроватью, Нао положила подбородок на руки и вздохнула. Альтис, бледный как пенка от молока, наконец-то задремал, часто дыша и порой вздрагивая. Ингвальд ушёл в город примерно полчаса назад, попросив Нао присмотреть за парнем. Требовалось от неё немного: не позволять вставать без особой нужды и время от времени следить, чтобы тот глубоко вдыхал или откашливался. Непутёвый больной выполнял указания и спорить даже не пытался, лишь морщился да касался пострадавшей стороны. Там, отмечая место перелома, грозовой тучей расползлся огромный синяк.

Ингвальд и Нао сидели с Альтисом по очереди: конечно, перелом (перелом ли?) не мешал ни ходить, ни выполнять какую-то работу по дому, но задерживаться в Тарге надолго никто не собирался, поэтому парню постарались обеспечить полный покой хотя бы на несколько дней. Деятельный Альтис едва ли на стену не лез от скуки, и потому старательно грыз себя за неимением другого занятия. Он то корил собственную неловкость, то раздражённо упрекал в случившемся Нао, то мнил себя непрошеной обузой, то раздумывал по поводу слов Ингвальда... Нао же всё свободное время терзалась муками совести, не признаваясь в этом в первую очередь самой себе. Девушка тщетно пыталась занять Альтиса беседами: о чём с ним говорить, она толком не знала, да и плохо соображающий от боли парень почти всё время молчал. То ли дело Ингвальд, который умел расшевелить обоих; как у него это получалось, Нао не понимала, и лишь тихо завидовала.

Как назло, первые несколько дней выдались очень теплыми, словно погода извинялась за учинённое её недавно безобразие, и именно потому сидеть в маленькой комнатке под самой крышей и смотреть на снующих ласточек было невыносимо. Единственным, что слегка мирило девушку с таким положением дел, было маленькое круглое окошко размещённое повыше обычного. Это окно напомнило ей о доме друзей отца. Нао было лет пять или около того; кто-то из взрослых подхватил её, постучал пальцем по звонким четвертинкам круга и вполголоса принялся рассказывать о домах, деревьях, дороге, которые можно было увидеть сквозь него. В этом же окне не вырисовывалось ни сугробов, ни устрашающих тёмных елей, но черепичные крыши и суесящиеся птицы были интереснее сучков на потолке.

На четвёртый день Ингвальд вернулся раньше обычного, с таким видом, что Нао тут же воспряла духом: что-то будет.

- Ты... что-нибудь узнал? - осторожно начала девушка.

Ингвальд, с сомнением уставившийся на выпавший на него дверной косяк, лишь пожал плечами, мол, моё дело маленькое, не ко мне вопрос.

- Насчёт чего-то не скажу, а вот кого-то – да, узнал. В прошлый раз лекарство у тех же ребят брал, чай и в этот раз не яд будет, - мужчина вытянул из-за пазухи обёрнутый тканью флакон. Ингвальд поболтал склянку и глянул на просвет. Тёмное стекло задерживало солнечные лучи, и то, что бутылочка не была пустой, можно было угадать лишь по её весу.

Жидкость, перелитая в чашку, оказалась неправдоподобной – маслянистой, подвижной, тёмно-синей с едва уловимым оттенком зелени.

- Я бы это пить не стала, - заключила Нао, глянув в посудину.

Ингвальд пожал плечами и согласился:

- Я, наверное, тоже. Хотя меня и чем похуже лечили, надо сказать...

- Например? - живо заинтересовалась девушка.

- Бинты и «если не помрёшь – выживешь».

Заметив вытянувшееся лицо Нао, он слегка посмеялся и развёл руками:

- Не помню, как это называлось, честное слово. Какая-то фиолетовая жижа, после которой где стоял, там и падаешь. Зато исцеляет даже самые безнадежные раны.

- Магия не очень-то продвинулась во врачевании, да? - девушка почесала ухо о плечо.

Ингвальд покачал головой:

- Сегодня магия умеет гораздо больше, в том числе и лечить... скажем так, без последствий. Но те, кто занимаются целебной магией по призванию, даже сейчас буквально на вес золота. По счастью, есть зелья, которые можно долго хранить, ещё стоили бы они поменьше... - он принялся к перелитому и попробовал пару капель на язык. Результат, видимо, полностью его удовлетворил: вертикальная складка на лбу наконец разгладилась, и Нао стало как-то поспокойнее.

Лестничный пролёт они миновали молча. Перед дверью девушку запоздало кольнуло: найденному снадобью она обрадовалась лишь потому, что скоро можно будет снова отправиться в путь. Хотя, будь её воля, Альтис вообще сейчас сидел бы дома, так что сам виноват, никто его насильно не тянул.

Как ни странно, уговаривать его выпить лекарство не пришлось. Парень задумчиво поглядел на тайком обгрызающую ноготь Нао, на спокойного Ингвальда, на что-то очень уж страшное в чашке и храбро опрокинул в себя всё разом. Нао передёрнуло. Она, в общем-то, знала, что имя Альтиса и рядом не стояло со словом «бояться», но одно дело – выходить с ножом на дикого зверя, и другое – пить неизвестную бурду в незнакомом городе с сомнительной компанией. Впрочем, самой Нао никогда не доводилось ничего ломать; может быть, отравление и в самом деле было предпочтительней.

Первой серьёзной наукой в её жизни стало лекарское дело.

Их поселение цеплялось за подножие крайней горы Тэтского хребта. Несколько десятков домов были окружены лесом с трёх сторон, с четвёртой текла небольшая, очень холодная и бурная река; летом её воды приобретали зеленоватый оттенок – поговаривали, что из-за близкого расположения ледников. (Мама иногда шутливо замечала, что река зелена не от горных ручьёв, а из-за слёз городских девушек, которые те льют со времён их переезда сюда. Шутки шутками, но доля правды в этом утверждении, очевидно, имелась: было сложно не поддаваться обаянию отца). При всём том безымянное поселение в предгорье располагалось в пяти часах пешего пути от ближайшего города, и в случае чего, лекарю пришлось бы добираться слишком долго. Может быть, поэтому многие местные жители разбирались в травах, а некоторые умельцы зашивали раны так, что шрама не оставалось и вовсе. К пяти

годам Нао уже знала, что эти багровые шарики – царапник, его листья помогают ранам затягиваться, а тот невзрачный белый цветок – ядовит и называется старь, вон там растёт лечебная ромашка, ей можно покрасить волосы, как и корой вирника...

Они всегда заготавливали травы впрок: зима была долгой. У собранных растений требовалось оборвать все загнивающие части, подрезать стебли и связать для просушки. Нао обычно работала на крыльце – если что-нибудь вдруг понадобится, всегда можно зайти в дом, и в духоте сидеть не приходится. В этот раз не хватило немного шнура; когда же она вернулась к своему занятию, на крыльце лежал букетик из нескольких цветущих веток вишни. Где неизвестный даритель добыл их, Нао даже не представляла. Мама, подшивающая дома одеяло, никого чужого, конечно, не видела, папа по большому секрету поведал, что иногда начало войны знаменовали несколько цветов, оставленных на пороге.

Но это, конечно, была не война. Букетики, будто в насмешку, продолжали появляться каждый день – всегда в разных местах и из разных цветов – яблоня, вирник, цирта, таул... Нао то сердилась, то радовалась им, родители переглядывались с многозначительным видом, бестолковая весна грозила перерасти в точно такое же лето...

- В следующую весну, - полусерьёзно обещал отец, - пойдём вместе и выследим твоего дарителя.

- Можно подумать, никто ни о чём не догадывается, - возразила та, но следующей весны не случилось.

Отец умер в тот же год.

Нао нетерпеливо скомкала одеяло, поглядывая в окно, натянула сапожки и сбежала вниз по пахнущей свежим деревом лестнице. Дверь отворилась, впуская в залу ветер, дымный, сладкий. Девушка отбросила назад упавшие на плечо волосы и побежала через улицу, ныряя под низко натянутые верёвки, огибая случайных прохожих и разбивая носком или пяткой мелкие лужицы. Лес начинался сразу за городской стеной, высокий, зубчатый, неприветливый. Нао быстро одолела подъём, чуть замедлилась на узкой – двоим не пройти – тропинке на краю склона и съехала вниз по песку, неловко перебирая вязнущими ногами. Узкий пригорок скрывал за собой невероятный простор – девушка видела серебристые повороты реки, череду невысоких холмов, порядком разбитую и заросшую дорогу... Повсюду были цветы: жёлтые, лиловые, белые, папоротники с резными листьями доходили до пояса; трава благоухала свежестью и чем-то особым, присущим только утру. Нао постояла, внимая голосам птиц, и принялась забираться обратно. За спиной оставались и едва взошедшая Тэавит, и свет, и синее поле за высокими чёрными соснами.

- Нао! - придиричивый голос выдернул её из забытья.

- Чего? - нехотя отозвалась она, не отрываясь от книги.

- Ингвальд где? Куда он делся?

Девушка наконец подняла голову и прошила взглядом Альтиса, занимавшегося, кажется, тем же самым.

- Ты бы поменьше бегал, а то ещё перелом болеть будет, - посоветовала она и, встряхнув книгу, продолжила, - где Ингвальд – не знаю. Минуты три назад здесь был.

- В какую сторону хоть ушёл?

- Не знаю. Слушай, ему сколько лет? Он здесь бывал, к тому же. По-моему, беспокоиться не о чем.

- Да тебе всегда не о чем...

Нао нахмурилась и постаралась не обращать внимания на, вероятно, сочувственный вид продавца книг, присутствовавшего при разговоре. Отличное утро, нечего сказать.

Ингвальд обещал скоро вернуться, но за это время успел прибежать Альтис, тут же начавший шуметь. Мысль о том, что она сама уже довольно давно стоит и читает книгу, которую не собирается покупать, Нао быстренько загнала поглубже. Подумаешь, стоит человек, небось не испортит торговли.

Когда охотник наконец вернулся, он застал весьма любопытную картину: Альтис, вполголоса отчитывающий молча глядящую в книгу Нао.

- Век бы любовался, - живо заметил он.

- Ингвальд, - выдохнули оба в унисон: Нао с облегчением, Альтис с хорошо скрытой укоризной.

Девушка с сожалением закрыла книгу и вернула её владельцу.

- Понравилось хоть? - весело спросил тот.

- Ага, - кивнула Нао, которой «Голос ветра и звёзд» был не по карману, - спасибо. Хорошей торговли.

Это утро стало последним, проведённым в Тарге.

Глава 5.

И, хлеба земного

Отведав, прийти

В свечении слова

К началу пути.

А.А. Тарковский «И я ниоткуда...»

От сухой утоптанной земли веяло живым теплом, и Нао поймала себя на желании растянуться на пригорке рядом с безразлично озирающейся ящерицей. Они редко устраивали стоянку засветло, но в этот раз место им попало просто замечательное. Здесь, на излучине реки, когда-то кто-то жил, пел детям песни, стирал одежду в реке, ходил в город на ярмарку и ждал гостей... Теперь же сюда снова вернулся лес, уступивший человеку лишь ненадолго. Нао подёрнула штанины до колен, доверяя солнцу исцарапанные ноги, шевельнула пальцами, касаясь коротких травинки. Волосы без специальных бальзамов расчёсывались плохо, и она терпеливо распутывала их, раз за разом проводя по мокрым прядям гладким, приятным на ощупь гребешком.

. Из-за серебристо-зелёных ив на берегу доносился шумный плеск, и Нао даже позавидовала: вода в реке была до того тёплой, что не хотелось вылезать. Совсем не такой, как в горах, где порой перехватывало дух, стоило только ступить в быстрый поток. Но зато дома на каменной осыпи уютился маленький домик, выстроенный для них чужими заботливыми руками; летом ребята собирались там каждый день. Они были хорошими друзьями – до ссор и ругани доходило редко, друг друга старались выручать, в передраги попадали всей компанией...

Когда она впервые по-настоящему рассердилась на Альтиса? Когда он порвал её новое платье? Когда случайно столкнулся с мостков? Когда они вместе заблудились на полпути к озеру?

Или всё-таки позже – когда девчонки перестали над ним посмеиваться, а сам Альтис – дурак дураком – исписал её забор одной и той же фразой на разных языках?

Когда и почему он перестал быть её другом?..

Сорвав ломкий стебелёк кольпии, Нао сунула его в рот, поморщилась: если лето выдавалось сухим, сок становился ужасно кислым. В животе негромко заурчало, и она с тоской подумала о наваристом супе со свежей зеленью, запечённой в углях рыбе, рассыпчатой

каше, можно щедро полить мёдом... Стереть платком зелёные пятна с пальцев никак не удавалось, и вскоре она бросила это бесполезное занятие. Ингвальду, всё это время слушающему две карты, хотелось помочь, но всё, что было Нао под силу – это сочувственно выслушивать витиеватые ругательства, когда находилось ещё одно несовпадение.

- Там деревню видно, - раздалось со стороны дерева, вершина которого горела на солнце как громадная свеча. Альтис съехал вниз, обдирая ладони о шершавую кору, прыгнул на землю. Ингвальд немного приподнял тёмную бровь, и он добавил:

- Я домов двадцать насчитал... Полчаса пути, не больше.

Небо в просветах веток казалось брызгами лазурного стекла – Нао то и дело пыталась поймать кусочек синевы побольше. То, что они потеряли нужную дорогу, совсем её не волновало: отец всегда говорил – важнее не знать правильный путь, а уметь его находить.

- Мне вот интересно, кто здесь живёт? – Альтис пригладил волосы на затылке, и те встопорщились сильнее обычного.

- Понятия не имею, - признался Ингвальд. - Но если нам повезло, и это кто-нибудь из оборотней, то могут быть кошки.

Нао, то и дело от них отстающая, вклинилась в разговор:

- Почему повезло?

- И почему именно кошки? – присоединился к вопросу парень.

- На волков не похоже – так близко к людям жить, а лисы поселений не устраивают. В целом, они ребята гостеприимные, уж переночевать-то нас точно пустят, - слегка заросший за последние дни Ингвальд поскрёб щетину. - Самое важное, что нужно знать – обмана кошки не терпят. Если будут что-то спрашивать, не сочиняйте понапрасну, или окажемся на улице среди ночи.

- А что, оборотни к чужакам так хорошо относятся? – засомневалась Нао.

- Ну, не все, конечно... Скажем, волки – одиночки, к себе в поселения обычно никого не пускают, но причина весомая: среди оборотней они самые сильные, а любая сила требует бережного отношения. Поэтому они чтут и свои, чужие порядки, строго соблюдают законы и лидеру подчиняются беспрекословно. Правда, с ними всё равно непросто: слишком уж волки упрямые и гордые.

- А твои сородичи? – как бы невзначай поинтересовался Альтис. Девушка тут же шикнула на него, но охотник остался невозмутим.

- Лисы? Они довольно закрытые, но дружелюбные. Беда в том, что им лень делать какие-то простые, но скучные вещи, а вот за сложное лисы берутся с большой охотой. Сами понимаете, далеко на этом не уедешь... Зато всем потомкам передаётся умение читать мысли – неважно, сколько в тебе от оборотня, а сколько от человека.

- Я бы тоже так хотела, - едва слышно буркнула Нао. Ингвальд, впрочем, услышал, хмыкнул и поделился:

- Лет до пятнадцати я мечтал разучиться слышать окружающих: все думают слишком громко, да ещё об одном и том же, тоска смертная.

- Не убедил!

- Кошки, - решительно напомнил Альтис.

- Очень общительные, не любят спорить, всё стараются улаживать мирным путём, - Ингвальд задумался. - Главное я уже сказал: их нельзя обмануть, и врать они сами тоже не умеют.

Неподалёку с дерева бесшумно сорвалась птица, светлой вспышкой разрезав тёмно-зелёный воздух. Нао проводила её взглядом, спросила:

- А правда, что у оборотней-птиц есть родовые татуировки?

- Да, у соколов – два пересечённых треугольника на правом плече. Делают они её рано, но это и неудивительно, народ кочевой, нигде надолго жить не остаются. Следопыты из них, кстати, получаются очень хорошие. А вот совы превосходные стратеги – даже охотятся с помощью ловушек, иной раз сам в неё попасть боишься. Забавно, кстати: среди них частенько встречаются хорошие поэты. Что до воронов, то они в своём большинстве заносчивые и вспыльчивые, но не отнять у них ни изобретательности, ни способности быстро обдумать и принять решение. Большие любители подраться, поэтому и женщины, и мужчины длинных волос не носят.

- Удобно, наверное, оборачиваться птицей, – Альтис с вдохновенным видом ударил кулаком о ладонь. – Можно полететь куда хочешь, и никто тебя не найдёт: следов-то нет...

Ингвальд только головой покачал.

- Многие за всю жизнь ни разу не меняют облика. У меня была знакомая сова, говорила, что полдня в воздухе проведёшь – потом даже встать не можешь, до того сил нет. Не каждый рискнёт.

Когда ворота – высокие, резные – замаячили перед ними, Нао ощутимо продрало холодом, словно кто-то сунул ей за шиворот горсть снега. Ингвальд попросил их никуда не пропадать и ушёл договариваться с хозяевами; девушка отвернулась от забора, изучая густую синь с небрежно разбросанными облаками, похожими на узкие раздёрганные перья. Альтис стоял чуть поодаль, спокойный, как будто ничуть не уставший, но то, как он старался незаметно коснуться правого бока, тонкая морщинка над переносицей... Внезапно парень оживился, удивлённо вскинул брови, и подбородком показал Нао: «Смотри».

Первым, что она успела подумать, было: «Ой». Мужчина, с которым беседовал Ингвальд, возвышался над последним на две головы и был шире в плечах по меньшей мере, в полтора раза. Левую половину лица отмечал широкий шрам, тянувшийся от угла рта к скуле; на смуглой коже он казался совсем тёмным. Нао с Альтисом переглянулись.

- Кошки, да? – он машинально почесал никак не заживающую ссадину на лбу.

- Я их представляла как-то... ну, не такими уж точно, - свои глубокие измышления Нао подкрепила рисованием в воздухе загадочных фигур. Альтис поперхнулся и изо всех сил постарался сохранить серьёзный вид.

- Можно подумать, ты всё знаешь, - не без обиды отозвалась девушка, высматривая во дворе ещё что-нибудь интересное. Альтис примиряюще сказал:

- Я бы, наверное, так же объяснил.

Нао не ответила, но напряжённая тишина между ними стала немного теплее.

Дощатое сиденье качелей тоненько скрипело от каждого движения, и когда оно возвращалось назад, столбы коротко вздрагивали. Взгляд то и дело соскальзывал на громады тускло-оранжевых камней; на солнце они блестели слюдой так, словно это был оставленный улиткой след. Недвижную картину разбавляла собой лишь кошка, восседавшая у вкопанного в песок основания. Гладкая шерсть в дневном свете отливала тусклым металлом, из-за чего грациозное животное больше напоминало статую.

- Ты же не кто-нибудь из местных, да? – обратился к ней Альтис, проводя пальцами по плотному серому меху. Та прищурилась светло-голубыми глазами и дёрнула ухом.

- Вот что бы ты сделала на моём месте? – без особой надежды задал вопрос он. – А, докатился, кошку спрашиваю...

Не разговор даже – так, пара фраз, подслушанных у входа в дом – миготом стряхнули с него усталость и расслабленную сонливость.

- Знаешь хоть, что к тебе подбираются всё ближе? – поинтересовался оборотень,

которого они видели тогда, за воротами. Ингвальд в ответ хмыкнул, сухо бросил:

- Вы и это можете чувствовать? Ничего себе.

Следующая реплика прозвучала уже внутри, и её Альтис не услышал.

Получалось, что Ингвальда кто-то выслеживает, и этот кто-то продолжает идти за ними. Но... зачем? И если Ингвальд об этом знает – почему промолчал?

Альтис с усилием вогнал носок ботинка в песок. Делиться такими соображениями с Нао было бесполезно: в прошлый раз она порядком вспылила и заявила, что больше доверяет тому, кто не набивался ей в попутчики. Что ж, доля правды в этом имелаась, да и Ингвальд за это время ни разу не дал повода в нём усомниться. Он только помогал им, и ничего не требовал взамен, словно так и было нужно.

Дёрнув хвостом в ответ на особенно громкий скрип, кошка лениво затрусила к дому, Альтис проследил её путь взглядом. Качели мерно ходили вперёд-назад, и с каждым новым взмахом его мысли становились всё тяжелее.

Одним коротким движением Нао выбила две восьмёрки. Следящая за игрой компания сдержанно загудела от восторга, но девушка досадливо поморщилась. Шестнадцать – пожалуй, многовато: одну из фишек пришлось вывести из замка¹¹, и соперник не преминул этим воспользоваться. У неё, конечно, ещё был шанс попасть в Храм без задержек, но для этого следовало бросать кости аккуратнее.

Всё началось с доски, которую кто-то из ребят случайно уронил с верхней полки. Вместе с мелкими деревянными фигурками на Нао посыпались торопливые извинения, и кто-то сунул ей в руки ещё не остывший пирожок.

- Только маме не говорите, вита, я тайком взял, - доверительно сообщил лохматый виновник шума с дыркой на месте переднего зуба, и собрался было утащить упавшую коробку обратно, но Нао его остановила.

- Подожди-ка...

Та при ближайшем рассмотрении оказалась доской для игры в чартан¹². С ним Нао была ещё как знакома, и для затравки обыграла ребят в партии на троих, потом на четверых. Одна из девочек тут же убежала домой, и Нао царапнула совесть – могла бы и поддаться – но та вскоре вернулась со старшей сестрой и её другом. С ровесниками игра пошла азартнее: пару раз они принимались шумно спорить, а в самом конце кто-то, задев локтем, столкнул на пол саму доску.

- Надо было прямо здесь поле расчертить, - вынырнув из-под дубовой столешницы, Нао постучала по ней пальцем и вернула фишки на прежние позиции. – Я знаю, что так раньше делали, даже специальные комнаты для игры отводили.

- Это от вас чартан к нам пришёл, да? – смуглая улыбчивая Ийса сдула с лица чёлку и принялась скручивать прядь в тонкий жгут.

- Нет, он с другого континента вроде бы... Но я могу рассказать нашу легенду, если хотите.

Возражающих не нашлось.

- Во времена такие древние, что они кажутся выдумкой, - начала Нао, подушечками пальцев пересчитывая грани и чуть стёртые углы игровой кости, - Светлый народ утратил

¹¹ Замок – комбинация из двух фишек одного цвета в клетке. Пройти через замок фишка соперника не может.

¹² Чартан – настольная игра, рассчитанная на 2-4 человек. Цель – выйдя из дома, обойти всё игровое поле («мир») и первым попасть в центральный квадрат, представляющий собой Храм. Каждый игрок имеет по 4 фишки одного цвета, которые можно выстраивать в различные комбинации, что позволяет продвигаться вперёд или затруднять движение противника. Количество ходов, которые нужно сделать, определяется с помощью двух восьмигранных костей.

веру в своё божество. Многие годы не получая отклика, люди перестали ходить в храмы, обращать к нему молитвы, и постепенно сошлись во мнении, что этого бога никогда и не было.

Нао перевела дыхание и обвела взглядом слушающих. Кое-кто из ребят помладше внимательно слушал, боясь пропустить хоть слово, кто-то супился, глядел с недоверием...

- Время стёрло любую память о нём, не осталось даже имени, но старики говорят, будто среди лесов сохранился храм Безымянного божества. Ходит поверье, что в нём можно получить ответ на незаданный вопрос, а уж как им распорядиться – воля твоя.

- А при чём тут игра? – негромко спросили позади. Нао обернулась к говорившему.

- Я слышала, что чартан появился, когда кто-то из услышавших ответ нарисовал на столе храм и дорогу, которой шёл – от самого дома. Поэтому доска для игры – это весь мир, центральный квадрат – обитель Лесного бога, ну, а с домами и дорогами и так понятно.

- Хорошая история, - вынесла вердикт Ийса, грациозно потянувшись. Тонкая цепочка серёжки качнулась в такт её движению. – Но я бы не смогла променять всё на дорогу, которая, может, и не кончится вовсе.

- А я бы хотел увидеть Безымянного бога, - вмешался щербатый зачинщик игры, - я бы тогда спросил, сильно ли на меня сердится мама за вчера?

Низкий чуть хриловатый голос, раздавшийся у порога, заставил всех вздрогнуть:

- Может, ты всё-таки спросишь это у неё самой?

Одного только взгляда на Кай-Ро хватало, чтобы понять: именно он владелец приютившего их дома. Всё здесь было под стать ему – высокие потолки, стены из грубо отделанного дерева, простая, не вычурная обстановка...

- Папа! – вскинулся мальчишка. Слегка виноватая улыбка, немедля нарисовавшаяся на его лице, явственно говорила о том, что тайком он взял не только пирожок, но об этом его родителям предстояло узнать позже.

- Тут, говорят, игра хорошо идёт? — Кай-Ро занял пустующее сиденье напротив, и стул коротко пискнул. – Ещё одного к себе примете?

Четвёрка и единица. Нао небрежным жестом отправила в Храм третью фишку и скромно улыбнулась. До победы ей оставался один бросок, в худшем случае два: у противника все фигуры находились подле центрального квадрата, но – снаружи. Чтобы завершить партию в свою пользу, Кай-Ро нужно было каким-то чудом выбить не меньше тринадцати, и, похоже, исход был очевиден. Ийса хлопнула её по плечу и шепнула: «Молодец».

Кости прокатились по столу с сухим треском, одна из них немного покрутилась и, наконец, улеглась на расстоянии в ладонь от второй. Кто-то рядом присвистнул, ошеломлённо помянул незнакомого бога со сложным именем, и разноголосый гул тут же затопил комнату. На узких гранях красовались две семёрки.

Нао устало выдохнула, отодвинула стул и поднялась на ноги. Её узкая ладошка тут же утонула в крепком рукопожатии Кай-Ро. Странное дело – удача всё-таки оказалась на чужой стороне, но этот проигрыш был совсем не обидным, даже наоборот. Девушка бросила взгляд на сиротливую фигурку, стоящую в отдалении от Храма. Одна, всего одна – кто бы мог подумать?..

...Лес вовсе не оказался полон корявых деревьев и цепких теней – он весь состоял из них, издевательски пляшущих, хватающих за ноги, метящих в лицо. Кровоточащие царапины на руках и ногах взялись чёрной коркой, но им нельзя было останавливаться. Тьма – удушливая, маслянистая – ложилась на горло мягкой петлёй; страх подстёгивал, гнал вперёд, не позволяя рухнуть от усталости...

Этот предательский, враждебный лес никого не мог спрятать: он умел только выдавать, и потому они стрелой неслись в самую чащу – туда, где уже никто не сможет догнать. Голоса слышались ближе и ближе, а он мчался вперёд, думая только о том, что нельзя разжимать сведённых судорогой пальцев.

Они должны выбраться отсюда вместе.

Нао проснулась среди ночи, дрожа и задыхаясь, словно невидимая погоня сумела её настигнуть. Явь не спешила стряхивать с себя мрачную шкуру сна: с полминуты она ждала, что узловатая тень на стене вот-вот дёрнется, вытягивая вперёд длинные тонкие ветки, которые обернутся пальцами, едва ты отведёшь взгляд. Ей страшно хотелось с кем-нибудь поговорить, поделиться своим странным видением, но будить Ингвальда или Альтиса было бы по меньшей мере бессердечно. Нао, путаясь в рукавах, накинула кофту – в темноте бордовые полосы казались почти чёрными – и побрела на кухню. Там среди стайки пузатых чашек обнаружился кувшинчик с ещё тёплым фьёром, изумительно пахнущим ягодами. Недолго думая, она прихватила с собой и то, и другое, и отправилась на улицу, в маленькую беседку рядом с домом.

- Не помешаю?

Нао отвлеклась от созерцания дна пустой чашки и задрала голову. В лиловом полумраке нарисовался Кай-Ро с кисетом для табака, спокойный, даже приветливый. Она подтянула ноги поближе к себе, давая пройти и сесть, удивилась вслух:

- Вы ведь здесь живёте, разве вы должны спрашивать?

Он усмехнулся краешком рта, отчего шрам изогнулся и пополз вверх, смешивая в одно улыбку и оскал.

- Плох тот хозяин, который не печётся о своих гостях. Особенно о тех, кто так хорошо играет в чартан... и о тех, кому почему-то не спится среди ночи.

Звучало это до того искренне и по-доброму, что Нао не удержалась от смущённой улыбки. Из открытого кисета пахнуло спелой вишней – тёмно-алой, с каплями росы на глянцевого бока. Ро подцепил во внутреннем кармашке тоненький листок и ловко принялся сворачивать самокрутку – выходило это у него до того ладно, что Нао засмотрелась.

- А... можно задать вопрос?

- Валяй, - добродушно разрешил он.

- Откуда у вас такой шрам?

Кай-Ро затаился, выдохнул тонкое дымное кружево, тающее во влажном лиловатом воздухе и хмыкнул. Глаза за туманной пеленой слабо светились тёплым янтарём.

- Славно подрался как-то раз.

Нао подтянула сползшую с плеча кофту и боком случайно столкнула кувшинчик с остатками фьёра; Кай-Ро поймал его у самого пола, вернул на место.

- Сцепились за женщину... за честь. У нас такое побольше ценится, чем здесь.

Нао озадачилась:

- А у вас – это?..

Дым, горьковато-сладкий, пах первыми цветами, распускающимися в снежном холоде, когда земля только грезит о скором пробуждении.

- Материк Ко, - Кай-Ро небрежно стряхнул за перила мягкий сероватый пепел.

- Так далеко? – изумилась девушка.

- Да мы не выбирали, куда бежать. Прижало – сразу сорвались в дорогу.

Ко для жителей всех остальных континентов был настоящей головоломкой: как они живут, кому подчиняются, чем промышляют? Единственное, в чём Нао не сомневалась – там

очень жарко, есть пустыни, и...

- Невольничий рынок, – пробормотала она, пробуя на вкус незнакомые слова.

- Он самый, - оборотень поморщился, затаился и, пока Нао не успела ничего сказать, прибавил. - Это когда один человек решает, что у него есть права на жизнь и свободу другого. Самая паршивая на свете вещь.

- Кому такое могло в голову прийти?

- Одному из нездешних. На их на планете людьми много лет торгуют, вот он и решил, будто может здесь распорядиться так же. Не знаю, что с ним стало. Я с того дня только раз о нём и слышал.

- А многие вот так... переселились?

Кай-Ро не удивился, словно ждал этого вопроса.

- Нет, около пятнадцати человек. Двоих ты точно видела – меня, Ийсу... Я её до корабля на себе тащил, она-то младше намного. Мы по через лес бежать решили, а там дебри жуткие, да ещё не видно ничего... думал, или нагонят, или дорогу не отыщем, но повезло.

Нао бросило в жар так, будто прохладный текучий воздух разом вскипел; собственный голос показался ей охрипшим и очень далёким:

- За вами кого-то послали?

Ро кивнул, затягиваясь.

- Ночью по чаще охотников мало шастать, а человек этот был не в счёт, сам решил нас выследить, - он почесал уголок шрама и слегка хищно улыбнулся. – Говорят, обратно он так и не вернулся.

Свет Фаноса¹³ бросал сиреневый отблеск на острые скаты крыш, мелкую зыбь волн, путался в короткой жёсткой траве. Ночной туман клубился среди чёрных деревьев как убегающее молоко, и всё вокруг было дымным и чуть-чуть прозрачным. Нао коснулась перил подбородком, прижалась щекой, чувствуя угасающее дневное тепло.

Сон больше её не пугал.

Глава 6.

*Земля прозрачнее стекла,
И видно в ней, кого убили
И кто убил: на мертвой пыли
Горит печать добра и зла.*

А.А. Тарковский «Тот жил и умер, та жила...»

Высокий золотой стог принял её в свои объятия огромными лапами. Прибив локтем лёгкую сухую траву, Нао расположилась поудобнее и достала из сумки сложенный в несколько раз лист; голубоватая тень метнулась по нему как потревоженный мотылёк. Последние несколько дней ей снились странные вещи: то длинный каменный коридор, в котором стило дыхание, то домишко в окружении мёртвых серых деревьев, то маленькие фиолетовые цветы в облаке снега – откуда-то Нао знала, что они ядовитые... Неизменным оставалось одно – всякий раз в своём кармане Нао обнаруживала зашифрованное послание отца, и на этом сон заканчивался. В шифровку девушка заглядывала при любом удобном

¹³ Слин и Фанос – естественные спутники О'Стад. Слин в полтора раза больше Фаноса, расположен дальше и всегда повернут к О'Стад одной стороной (поскольку вращается вокруг оси с тем же периодом, что и вокруг планеты); Фанос находится ближе, его орбита сильно вытянута. Оба спутника могут наблюдаться на небе одновременно, при этом они движутся навстречу друг другу. Из-за магического искажения атмосферы окрашены в светло-лимонный и бледно-лиловый соответственно. В переводе с языка Светлого народа Слин и Фанос означают «храбрый» и «провидец».

случае и могла воспроизвести так точно, словно неведомый резец выбил в её памяти ряды мелких значков. Однако смысл текста по-прежнему ускользал от неё, недостижимый как лодка в звёздном небе¹⁴. Потерев исколотую шею, Нао неохотно признала тщетность попыток и сложила бумагу по сгибу. Вокруг вкусно пахло сеном: во всех домах полным ходом шли приготовления на зиму, и здешняя деревушка не стала исключением. Приятно было ощущать вокруг знакомую суету – как будто не случилось ничего. Да, может, так оно и было?

- Тебя не найти, - в голосе Ингвальда Нао почуяла нотку одобрения. Она подняла голову и сразу прищурилась от ударившего в глаза солнца.

- А мне казалось, что это единственный стог на все близлежащие дома, - девушка козырьком приложила руку ко лбу.

- Вроде того. Но тебя и Альтиса я привык отыскивать в самой гуще событий – не удивлюсь, если ты после этих слов полезешь в пасть дракона, просто чтобы поразить моё воображение.

- И я найду самого злого и древнего как целый мир! – заверила девушка. – Слушай, а ты случайно не знаком с шифрами?

- Пару-тройку самых известных, может, припомню. Тебе зачем?

- Мы после смерти папы вот что нашли, - Нао развернула письмо, демонстрируя непонятные символы, - И записку с адресом нотариуса с Ир-Тайхе. И всё, ничего больше, ни слова.

- Давай посмотрю, - мужчина сел рядом, пробежался взглядом по строкам и высоко вздёрнул бровь.

- Знаешь... - Ингвальд потер переносицу согнутым пальцем, - Я бы на твоём месте покопался в семейных бумагах, возможно, там есть какие-то ключи. Были ведь дома письма, дневники?..

- Были, - мрачно подтвердила Нао. - Мама по ночам их жгла, когда думала, что я не вижу. Хорошо горели, знаешь, ярко...

- Меня не покидает ощущение, будто похожее я когда-то видел, - задумчиво произнёс собеседник, - но где?

Нао неуверенно заметила:

- Может, с расшифровкой в столице помогут? Адрес вряд ли просто так лежал.

- В любом случае... - его перебил резкий окрик:

- Ингвальд! Нао! Куда вы подевались с утра пораньше?

Вставая, охотник протянул Нао листок, глазами показал – спрячь, и неторопливо завершил фразу, отряхивая одежду от соломы:

- Один на один мы тебя с этим не бросим.

- Вы весь день тут торчать собрались? До Ир-Тайха ещё идти и идти... Нашли время в прятки играть, - настроение у Альтиса с самого утра было не лучшим, а бездействие добивало его почище вражеской стрелы. Случись парню командовать войском, их отряд не пережил бы ни одной засады, но, к счастью, поблизости не было никого, кто мог бы серьезно пострадать от чужой нетерпеливости. Нао только закатила глаза и вздохнула. Препираться сил не было.

Городская стена выплыла из влажного зелёного сумрака, очеркивая своей громадой невыразительное небо в облачной ряби. Её, высокую, нарядную, венчало несколько смотровых башен с ажурными окнами и остроконечными крышами, и точно такое же каменное кружево тянулось по свободному краю. Сама стена больше напоминала мозаику из тщательно пригнанных друг к другу пёстрых блоков – голубых, зеленоватых, рыжих, бледно-розовых...

¹⁴ Речь идёт о созвездии Лодка. По легенде, любой потерявший дом может вернуться туда на этом звёздном судне, на практике созвездие имеет очень мало общего с настоящей лодкой.

Ингвальд, идущий чуть позади, зашуршал чем-то, потом хлопнул Альтиса по плечу и протянул ему небольшой свёрток.

- Двадцатью лигами дальше есть ещё одни ворота, это северный вход в город, лучше будет пройти через него.

Альтис непонимающе сдвинул брови, но послушно протянул вперёд руку.

- А разве главная дорога не охраняется лучше?

- Охраняется, но лишнее внимание... ни к чему оно вам.

Разговор Нао слушала краем уха, и всё же последнее слово царапнуло её:

- Вам?

Ингвальд не дрогнул под требовательным взглядом.

- Я не могу прямо сейчас нанести визит Ир-Тайху – сначала мне надо повидать старого знакомого. Потом... - он чуть прищурился, заговорил мягче. - В получасе ходьбы от центральной площади есть старенький трактир «Рыжий пёс». Название довольно нелепое, зато единственное в своём роде, ошибиться невозможно.

- Ты...

- Можете подождать меня там, да, - кивнул охотник. – Если, конечно, захотите.

- А сейчас нам куда? – вмешался Альтис.

- Сейчас берёте левее и держитесь вон того шпилья, его издалека видно. Сворачивать никуда не надо, просто идите прямо до следующих ворот.

- Да уж, с этой дороги пытаешься спровадить так, словно те славные ребята из гостиницы тебе хорошо заплатили за наши головы, - то ли пошутил, то ли всерьёз засомневался парень. Нао покосилась на обоих. Да что с ними? Почему так странно себя ведёт Ингвальд – и почему так легко соглашается с его словами Альтис?

Прощание вышло неловким и скомканным: Нао снедала злая обида, а что творилось в голове у Альтиса, она и знать не хотела. Лишь миновав вторую смотровую площадку, они решились заглянуть под бумажную обёртку – на неё Ингвальд пустил свою карту. Внутри оказался хорошо знакомый им нож с кожаной рукоятью, с которым охотник не расставался даже во сне. Нао с Альтисом тревожно переглянулись, но вслух никто ничего не сказал.

Густая синяя тень легла на лицо, превратив его в равнодушную маску. Рука по привычке потянулась к поясу, но Ингвальд точно знал, что она встретит там пустоту, и сжал её в кулак.

«Вот, значит, где нам довелось встретиться... бывший друг... Ничего, скоро всё закончится. Абсолютно всё».

Дорога стремительно бежала вперед под его шагами. В последний раз Ингвальд без улыбки посмотрел на две одинокие фигурки, и свернул с колеи в направлении леса.

«Насколько же его поручения бывают неуместными!».

Сильвия почти летела по тёмному коридору, единственным украшением которого были редкие кованые светильники на стенах. Когда светло-сиреневый хвост её платья мелькал мимо них, за металлическими зубьями вспыхивало искристое белое пламя, отвоёвывая у мрака ещё кусочек пространства.

«У меня без того сердце не на месте, а эта просьба поговорить с Тенью ушедшего и оставить девочку одну... Немыслимо! Феальдор, ты часто выбирал не самый подходящий момент, но теперь!...».

Коснувшаяся ноги ткань ударила по нервам словно кипяток, и Сильвия невольно вздрогнула. Больше всего ей хотелось как следует размахнуться и отправить тяжёлую связку ключей подальше в темноту, пахнущую чем-то вроде подгнивших цветов... но Феальдору она

была обязана, и не в последнюю очередь – своей свободой.

В комнате не было ни одного окна, ни свечи или лампы – Сильвия прекрасно обходилась без них. Ночью, когда это было нужно, она могла видеть так же ясно, как и днём, не говоря уже о том, что и Тени совсем не жаловали светлые помещения. Спустя многие годы ей уже не было нужды цепляться за место, но привычная обстановка всегда делала путь легче. Сначала вокруг сойхо была лишь тьма, но вскоре её прорезало холодное неяркое сияние. Со стороны это выглядело иначе – вдоль рук Сильвии медленно текли струйки млечно-лилового тумана, постепенно окутывающие всю стройную фигуру женщины. Она в уме отсчитывала застывающие секунды, стараясь не потерять слабую связь с Тенью – пока не раздался голос.

Он был и низким, и высоким одновременно, в нем отчётливо звенел металл и пел охотничий рог, грозно рокотала горная вода, и стелился к земле чужой шепот.

- «Чего ты ждешь, Призывающая?»

- «Надеюсь, ты не откажешь мне в небольшой беседе, Воитель Сумрака? Твой старый друг ищет встречи с тобой...»

- «Феальдор? Что ж... Мне будет интересно услышать о нём. Говори...»

Как никогда Нао одолевали скопившиеся усталость и раздражение. Мало того, что Ингвальд бросил их неизвестно где, так ещё и идти пришлось опять через лес – и ради чего?

- С меня хватит, я устала! Я никуда не пойду, пока мы не отдохнём хоть немного!

- Нао, нам идти осталось в лучшем случае – часа полтора. А уж обратно сколько... я даже представить боюсь.

- Обратно? – она подняла голову и встретила удивлённым взглядом с Альтисом. – Ты о чём?

Парень довольно резко махнул рукой:

- Ты же не собираешься оставаться в Ир-Тайхе вечно, ведь так? А если мы хотим успеть добраться домой до первого снега, медлить совсем не стоит, и...

- Я не собираюсь домой, Альтис.

- Ч-что?

- Я останусь где угодно, - глухо повторила Нао, - Но только не там.

На просеке повисло гнетущее молчание. Альтис постоял, засунул руки в карманы, походил туда-сюда и, стоя к сидящей девушке спиной, поинтересовался:

- Я только одного понять не могу – за что ты мать не жалеешь?

- Это... это не твоё дело, слышишь? Хватит лезть в мою жизнь, Альтис, ты в ней достаточно потоптался!.. И не смей мне указывать! - лицо Нао обожгло прихлынувшей кровью, и она осеклась на середине фразы.

- Правда? Дай угадаю: ты не можешь вернуться домой потому что ничего не сделала, чтобы защитить стаю от побоища?

Ногти впились в ладонь, оставляя на ней красные полукружия следов.

- Да ты и вправду герой. Страшно было сражаться с щенками?

Он шагнул так резко, что Нао чуть не вскрикнула и ответил нарочито тихо:

- Уж пострашнее, чем сидеть дома, сетуя на всех, кроме себя. Скажи, а ты правда до сих пор не поняла, куда и от кого бежишь на самом деле? Волки, предательство... просто предлог, так ведь? Что ты хочешь найти в Ир-Тайхе?

- Прекрати совать свой нос... - начала та, но Альтис не дал закончить.

- Не думала ли ты, Нао, что следующая охота может начаться на одного не в меру храброго и упрямого человека, разыскавшего то, что ему знать не следует?

Странно: как долго они были знакомы, и как мало знали друг о друге. С холодной яростью Нао процедила:

- Уж будь так добр, Альтис, проваливай. И хорошо бы на этот раз из моей жизни! – она отвернулась и зашагала прочь, с силой вдавливая каблуки в мягкую землю.

- Нао, стой! – он осёкся. - Если с тобой что-то случится!..

«Это будет моя вина».

Усталость брала своё – ноги требовали передышки, но едкая, плещущаяся у горла обида не позволяла ей остановиться. Голова жутко болела, словно сквозь затылок продели тонкие прочные нити и тянули туда-сюда. Нао не могла этого видеть, но возле её рук едва заметно сияло серебро, переливающееся в синий и повисающее в воздухе тонкими прозрачными обрывками.

«Туман? - мысль отдалась в голове Альтиса эхом. – Но ведь сейчас нет дождя...»

Он вытянул руку перед собой, провёл в воздухе, касаясь марева. «Туман» сгустился, опутал ладонь сияющим коконом, замер, и вдруг метнулся вперёд, ударив под сердце.

Сначала Альтис не почувствовал ничего, серебристое мерцание растворилось в его теле – так горсть песка, высыпанная в реку, не оставляет даже кругов на воде. Потом в груди стало горячо, и что-то рванулось, полетело вниз, плаваясь и распадаясь на куски. На миг всё замерло, повисая в долгом, тягучем мгновении...

Боль – невыносимая, страшная – накатила такой волной, что он захлебнулся первым же ударом. Мир вокруг свёртывался, словно раскрашенная картинка, бережно носимая в кармане, и он не понимал, отказывался понимать, почему не чувствует земли, уходящей из-под ног.

Что с ним? Почему руки онемели так, что не можешь ни пальцем пошевелить?

Почему вместе с болью на него обрушился тяжёлый, глубокий сон, которому нельзя сопротивляться?

Нао застыла среди просеки, оглушённая предчувствием беды, и обернулась раньше, чем звук достиг её ушей. Там, позади, Альтис валился навзничь, воздух вылетал из его горла со страшным свистом и бульканьем. Нао казалось, что она бежит так, как никогда в жизни, но всё равно не успела его подхватить. Одеревеневшие пальцы рванули ворот рубашки, ткнулись в синеватую жилку на шее...

Небо, светлое-светлое – чище платя, за которое цепляешься в детстве – повисло перед ним, пустое и невесомое.

Нет, не сон это был, совсем не сон. Понимание оглушило, и Альтис безвозвратно упустил тот миг, когда он ещё мог вскочить на ноги, вырвать из чужой руки холодеющую ладонь, стряхнуть ползущую выше ледяную немоту...

Боль закончилась, острым ножом отделённая от тела, и с ней смялись, ушли куда-то колкие хвоинки под спиной и липкий запах смолы. Небо чернело, увядало, как сорванный лепесток, а вместе с ним гасли ненароком пойманная улыбка, огнистое солнце волос, очертания знакомого лица...

Да разве это смерть? В целую вечность растянутое мгновение – и есть смерть?

Что это за место?

Где он?

Почему так пусто вокруг, и всё меньше остаётся от самого Альтиса, словно сознание – крохотная искра – гаснет от чьего-то дуновения?

Почему рядом с ним никого нет?..

Его щека ещё была тёплой, когда она мазнула по ней пальцами.

Нао встряхнула Альтиса за плечи, позвала – раз, другой. Мысль, обрывочная, тупая, колотилась внутри её головы как пойманная в силочок птица, не давая осознать случившееся. Всё вокруг было прежним – и холодный ветер, и скрип высоких стволов, который услышишь только в лесу, и бесцветное небо, стекленеющее в распахнутых глазах...

Медленно-медленно, словно во сне, Нао разжала руки, и земля окончательно вывернулась из-под её ног.

Глава 7.

*И впору бы мне тетивой удавиться,
У каменной бабы воды попросить.
О том ли в Путивле кукуешь, зегзица,
Что некому раны мои остудить?*
А.А. Тарковский «Тебе не наскучило каждому сниться...»

- Всё-таки пришёл, - лицо хозяина отразило холодное любопытство, - славно же ты побегал от нас недавно, а?

Ингвальд поморщился, но шагнул под низкий свод дома. Всю комнату пересекали полосы света – яркого, и видно было, как в застоявшемся воздухе опускаются на пол пылинки.

Минуты тянулись с какой-то дрожью, на изломе времени, и чувство тревоги обострялось.

- Может, скажешь что-нибудь? – голос был таким же невыразительным, как и его владелец.

- А с каких пор я должен перед тобой отчитываться? – глаза Ингвальда резко посветлели до полупрозрачной синевы; зрачок стал почти зеркальным.

- С недавних... - собеседник улыбнулся сонно и лениво, и, наконец, повернулся к охотнику.

Ещё пару минут было тихо, а потом раздался скребущий звон, грохот, пронзительный скрип дерева; в полосе света всё так же медленно падала пыль. По ушам ударил громкий хруст стекла; в освещённую часть комнаты вылетела, глухо стукнув о пол, мутно-зелёная лампа с тёмными каплями на одном боку, и тут же всё стихло.

Город первых людей показался ей неприветливым. Было что-то около пяти часов пополудни, но густые тени уже метались по переулкам. Нао на мгновение прикрыла глаза и шагнула под высокую арку ворот. Правое запястье беспощадно болело, а на левой руке не хватало нескольких ногтей – она сорвала их, пытаясь вывернуть из осыпающейся почвы камень.

Рыхлая земля в лесу показалась ей твёрже, чем где-либо.

У неё не оказалось ничего, кроме оставленного им ножа, но бросить Альтиса вот так... Это было слишком страшно, и Нао продолжала горстями выкидывать из ямы песок. Тот тоненькой струйкой стекал обратно, припорошивая волосы, одежду... Ссадив о камень костяшку на указательном пальце, она замедлилась, решила поискать что-нибудь подходящее в вещах Альтиса – завязки путались, выскальзывали из деревянных рук как живые. Зубами стащив крепёжное кольцо со складной лопатки, Нао снова принялась рыть. Она не позволяла себе прекратить тяжёлую монотонную работу – чтобы не думать, но воспоминания сами лезли в голову, заставляя сильнее стискивать зубы.

Кто, ну кто просил его ввязываться в эту облаву, будь она трижды проклята?

Никто из жителей не боялся волков – да просто не привык опасаться, звери, однако

вели себя осторожно. Впрочем, в голодный год они могли прибегать к людям за едой – не отказывали.

Видеть после этого выделанные шкуры было невыносимо.

Они не пожалели даже волчат.

Сколько времени безымянная могила останется нетронутой? До тех пор, пока кто-нибудь не примется искать здесь несуществующие ценности? Пока Могильщик не оденет тело в новую плоть? Или сверху ляжет дорога, навсегда затерев последний след? Успеет ли до этого дня отцвести шиповник, сыплющий белыми лепестками на отпечатки ладоней?

Она легко нашла центральную площадь, нужный трактир высматривала чуть дальше. Нао прижалась к нагретой за день стене дома, не решаясь войти; девушка не могла представить, что ей скажет Ингвальд, как она объяснит ему, что случилось, и почему... Словно во сне, она толкнула створку тяжелой двери и не сразу подняла глаза, оказавшись внутри.

Но искать оправдания было не перед кем. Задним умом Нао поразились – дорога заняла у неё много больше времени, чем они думали, так почему же Ингвальда здесь не было? – и обратилась к хозяину трактира, дородному мужчине с неприятным выражением лица:

- Извините, не подскажете ли – был здесь сегодня один человек? Он довольно высокий, синие глаза, волосы темные, в хвосте, и ещё... - её перебили.

- Так Инг, что ли? Тю, а тебе-то он зачем?

- Значит, нужен, если спрашиваю. Был или нет?

Тот скривил презрительную мину:

- Да не было, не было. И не будет уже, поди.

Нао совершенно по-детски растерялась и часто заморгала.

- А... где?.. Что с ним?..

- «Где», «где»? Принес тебя Грайм на мою голову! Иди, куда шла, не мешайся! – трактирщик резко сдёрнул со стола полотенце и махнул в сторону девушки. Сырая ткань должна была бы мазнуть её по лицу, но странная посетительница закрылась свободной рукой и каким-то образом оказалась настолько близко, что мужчина невольно вздрогнул. Конечно, это могло ему лишь казаться, но... серо-зелёные глаза блеснули в слабо освещённой комнате совсем не добро, да и горячая ладонь стиснула его запястье гораздо сильнее, чем он мог ожидать.

- Некрасиво вот так общаться с людьми. Тем более, - рука, сжатая ещё сильнее, заныла - с незнакомыми.

- Да убили его, вроде как дружки бывшие, - мрачно буркнул трактирщик. - Увязался за старателями по малолетству и погорел на этом деле, ещё сам должен остался, всё никак не мог расплатиться. А потом эпидемия случилась, жена его с детьми сразу... того... Вот Инг из города тогда и сбежал. Искали его, конечно, только ветер в поле поймать проще. Чего он вдруг вернулся – не понимаю.

По горлу прошёлся мороз. Нао отступила на несколько шагов и переспросила:

- Детьми?

- Ну, да, да, две дочки у него было, старшей лет десять, а другой не то пять, не то шесть... Младшая первой слегла, и сам он следом. Как выжил – одним богам ведомо, хотя лучше б тогда же умер. Всю семью схоронил, изменился – страшно: улыбаться перестал, и двух слов от него не добьёшься, мрачнее тучи всё ходил – а раньше-то... Уж больно он своих любил, да видно, доля его такая... Кому даст, а у кого отберет – какая выпадет судьба.

Нао качнулась и оперлась на стену.

Кто же знает, отчего правда стала такой жестокой?

Всего лишь два слова: так вышло.

Так.

Вопреки ожиданиям, нотариус не очень-то был похож на человека, тесно связанного с бумажной деятельностью. Строго говоря, Нао вообще не могла представить, что этот симпатичный светловолосый юноша ненамного старше неё самой и есть владелец дома и конторы.

- Э... Здравствуйте, я ищу вита Тайриса... Мне сказали... - Нао нервно затеребила в руках посторонние бумажки.

- Что он самый известный нотариус всего Линсталяфа? Верно сказали, вита. И вы пришли по адресу, – прервал ее паренек и в конце тирады улыбнулся.

- Так вы и есть?..

- Нет-нет, я его племянник. Дело в том, что дядя немного захворал и не может лично выйти к посетителям, поэтому я ему помогаю. Сейчас не очень много людей приходит, так что совершить роковой ошибки мне еще не довелось, - парень забавно сощурился. Нао изобразила подобие улыбки и протянула ему завещание отца. Взглянув на ряды закорючек, племянник Тайриса посерьёзnel, а затем спросил:

- Я покажу это дяде, вы позволите? – и исчез, не дожидаясь ответа. Нао забарабанила пальцами по высокому лакированному столу, подняла голову и поразилась: потолок дома был пронзительно синим. Сквозь густо окрашенное стекло пробивался золотистый свет, и казалось, что стоишь на дне океана, а вокруг пахнет чем-то солёным, вроде крови, но этот запах легче и прозрачнее. Девушка не сразу услышала, что её зовут, и обернулась, лишь заметив прикосновение к своей руке.

- Дядя зовёт вас, это важно... Я отведу, идёмте.

- Что случилось? – они как раз шли по пустому коридору, и слова эхом разлетелись в гулком помещении.

Парень пожал плечами:

- Не знаю, но я давно не видел его в таком взволнованном состоянии...

Комната была маленькой, хотя довольно опрятной и прибранной. Сам нотариус сидел в кресле, укрытый одеялом до пояса, и разглаживал длинную складку на принесённом листке. Услышав стук входной двери, он взглянул на вошедших и слегка наклонил голову в знак приветствия. Несмотря на упомянутый ранее недуг, мужчина был аккуратно причесан, выбрит, и Нао почти удивилась: «А ведь и не скажешь, будто он болен... но что же тогда случилось?».

Владелец конторы жестом предложил ей сесть и заговорил первым:

- Полагаю, вы – вита Нао, дочь Эмера? Рад познакомиться, мое имя Родерик Тайрис, я был давним другом вашего отца. Весьма сожалею о причине, приведшей вас сюда. Однако, полагаю, у вас есть определенного рода вопросы ко мне?

- Да, благодарю. Дело в том, что отец оставил завещание в необычной форме, и у нас возникли проблемы даже с формулировкой. Не могли бы вы объяснить, что всё это?..

Тайрис внимательно посмотрел на девушку тёмными, почти лишёнными зрачков глазами. Во всем его облике, начиная с внешности и заканчивая манерой держать себя, было что-то жутковатое, гнетущее.

- Вита, вы знаете, что основную часть своего имущества отец оставил именно вам?

- Подождите, но ведь это невозможно! Как же мама?..

- Дом, хозяйство, ценное имущество переходят во владение вашей матери, а вот вы после оформления необходимых документов станете единственной владелицей всего

состояния вашего отца, а также бумаг и документов, некоторые из которых, между прочим, имеют особую стоимость на этом континенте.

- Но папа ни о чём подобном не рассказывал нам с мамой! Откуда у него могли быть такие вещи?! – выпалила девушка.

Казалось, эта вспышка не произвела на Родерика никакого впечатления.

- Успокойтесь и выслушайте меня, вита Нао. В моём распоряжении находятся не только бумаги, подтверждающие право на наследование, но и ещё одна вещь. Ульв, будь добр, выйди, – обратился он к племяннику. Тот склонился в почтительном полупоклоне и закрыл за собой дверь. Нотариус снова повернулся к Нао.

- Теперь это ваше, – мужчина протянул ей небольшую шкатулку, украшенную по бокам резьбой. Под крышкой таились свиток тонкой, очень дорогой бумаги, и что-то маленькое, завернутое в тонкую серую ткань.

«Так вот то, ради чего я натворила столько глупостей? Ради чего погиб Альтис? Только и всего?..»

- Постойте! А письмо отца – что он хотел сказать? Вы ведь знаете?

Тайрис сцепил руки на коленях и медленно кивнул, рассматривая узор на книжном шкафу.

- Это способ шифровки, распространённый в нашей гильдии. Он был придуман мной и Эмером очень, очень давно. Скажите, вы сумели сохранить письма, возможно, какие-то иные бумаги отца?

- Я... Нет, мама чего-то боялась и уничтожила всё после его смерти.

- Что ж, ваш отец догадывался о подобном исходе. Я мог бы передать вам копии шифров, необходимые для разрешения этой загадки, однако не сделаю этого.

- Да почему же?

- Прежде всего – ваши родители желали вам тихой, мирной жизни, в которой вы никак не были бы связаны с теми, кто способен потребовать ответа за дела, не касающиеся вас. Я расшифрую письмо Эмера, но в обмен попрошу вас об одной вещи.

Нао подалась вперёд, вытерев взмокшие ладони о край рубашки.

- Я прошу вас никогда – слышите, никогда! – не пытаться узнать еще больше о Гильдии, которой принадлежали и Эмер, и я. Возможно, сейчас это кажется вам глупостью, но копаться в их делах крайне опасно. Когда-то и я пренебрёг этим советом и, как видите, теперь лишён ног, – Родерик усмехнулся, но в его зрачках всколыхнулась такая боль, что Нао испытала острейшее чувство жалости к этому человеку. – Если вы когда-либо услышите это название, бегите, что есть сил, потому что такие тайны охраняют себя сами, да почище любого сторожа или запора. А сейчас... надеюсь, вас не затруднит сохранять молчание в течение нескольких минут?

- Не затруднит, – Нао проглотила комок в горле и отвернулась к окну.

Пока нотариус занимался делом, она взяла в руки свёрток, весивший всего ничего, развернула ткань... Внутри был маленький черный мешочек с завязками, на ощупь бархатный. Нао нетерпеливо дернула шнурок и вытряхнула содержимое на ладонь.

В её руке лежало удивительной красоты кольцо. Все его фигуры были предельно лаконичны и просты, но завораживали искусностью работы. Тонкие золотые линии сходились от основания к центру, и в середине их сетка становилась достаточно широкой, чтобы выдержать массивный камень – золотистый, мерцающий янтарь, ограненный в виде очень выпуклого овала, почти с ребром в центре. Нао примерила перстень на безымянный палец, но впору он оказался лишь на среднем. Не отрывая взгляда от украшения, она запустила пальцы в мешочек и вытянула крохотную записку, туго сложенную в несколько раз. Текст её оказался простым и, пожалуй, даже слишком коротким, в широком росчерке Нао узнала подпись отца.

«Ничего не бойся и постарайся отыскать правду».

Девушка устало смежила веки и опёрлась спиной о стену. За её спиной стрелки на часах примёрзли к циферблату, но Нао не заметила этого. Когда она снова открыла глаза, на часах по-прежнему было без трёх минут шесть. Солнце пробивалось сквозь частый переплёт окна.

Родерик Тайрис в самом деле выполнил своё обещание и скоро вручил Нао несколько листов, заполненных стремительным летящим почерком. Она не нашла сил вчитаться в написанное – быстро пробежала текст взглядом и спрятала вместе со шкатулкой, содержимое которой немало её озадачило. Девушка скомкано поблагодарила нотариуса и распрощалась с ним сухо и вежливо, как при встрече. Нао казалось, будто мужчина скрыл от неё что-то важное, и ещё – что она в чём-то перед ним виновата. Махнув рукой Ульву, она пересекла площадь и скрылась на другом конце улицы.

Толпа – пёстрая, весёлая, по-праздничному яркая, плыла навстречу, и Нао приходилось протискиваться между людьми; ещё шаг – и она потонет в шумном течении города, не замеченная никем. Лица, лица, лица... Нао напрасно раз за разом обшаривала взглядом людской поток – единственное, от чего ей могло бы стать легче, было невозможно. Толпа тянулась вперёд, словно глумясь над ней, и как никогда девушке захотелось сбежать отсюда.

За углом Нао упала на колени, и её вывернуло в высохшую канаву. Руки сильно дрожали, пару раз она ткнулась лицом в пыль. Поодаль в тени был небольшой фонтан, полный зеленоватой затхлой воды. Нао привалилась к холодному каменному краю, опустила горящие ладони в воду, посидела так. Вывихнутые пальцы сразу отозвались злой болью, и ничего хорошего это не сулило. От влажного воздуха голова прояснилась, и Нао заметила скромный букетик, забытый на бортике фонтана. Цветы были перевязаны простой бечёвкой – совсем как... как... Девушка огляделась – никого вокруг – и потянулась к ним через край.

Первым делом Нао раздобыла высокий стакан, налила в него воды и поставила цветы. Она понятия не имела, зачем притащила их сюда, но расставаться с любовно собранным кем-то букетом ей не хотелось. К тому же, он здорово оживлял скучную обстановку комнаты – кровать, стол с двумя стульями, сундук для вещей и окно – вот и всё, что в ней помещалось. Гостиница была, на первый взгляд, совсем захудалой, но это не имело значения; в конце концов, плата за кров оказалась более, чем умеренной. Широкий подоконник негромко хрустнул, когда на него опёрлись, и девушка довольствовалась тем, что можно было увидеть из окна стоя. Разноцветные черепичные крыши – Нао заметила даже две синих и фиолетовую – перемежались башнями, часовнями, площадями, садами... Это, наверное, был красивый город, но полюбить его Нао не смогла бы даже в страшном сне.

Прикрывая слишком широко распахнутую створку, она заметила такое же движение в углу и торопливо обернулась. Источником его оказалось не замеченное раньше зеркало – до пола, в тяжёлой металлической раме. Нао подошла к нему, тронула холодную гладь. У отражения было бледное осунувшееся лицо, взлохмаченные рыжие волосы, не особенно чистая одежда и жуткие тёмные круги под глазами. Что бы ей сейчас сказала мама? Мама... Нао зажмурилась, чувствуя досадную сырость на ресницах, отступила назад и съехала по стене на пол. Мир дрожал, расплывался, словно в него налили воды, и Нао обеими руками зажала рот, чтобы не завывать.

Тихий солнечный день, ужас в глазах людей, обступивших... кого? Почему её не пускают?... - отчего-то очень спокойное бледное лицо отца; морозная ночь, провалы в сугробах, огни вдоль тропы; светлая, как будто седая шерсть, пустая дорога; растерянная мама – с умоляющим взглядом, полным страха не успеть; тёплая насмешка удивительного,

непостижимого человека – и чужие безучастные слова; бездыханно лёгкое тело на руках и земля, забивающаяся под ногти, разбитые в кровь руки и безжалостный скрип сосен над головой.

Ночь застала её на том же месте – Нао не нашла в себе сил даже встать. Она лишь опустила голову на край кровати и почти сразу провалилась в сон.

...Она лежала на широком металлическом листе, прижатая к нему чужой, но не враждебной силой. Кругом было светло и просторно; она дышала во всю грудь, и ледяной воздух медленно пережимал горло. Казалось, с каждым мигмом становится холоднее и холоднее, но это была не зимняя стужа, врезающаяся в тело сотнями игл. Всё, что она могла видеть, было свободно от льда, снега и сильно пахло чем-то резким, как от нагретого двигателя. Внезапно внутри неё что-то развернулось, медленно начало подниматься... По коже пробежались мурашки волнения, и, задышавшись от чувства неосознанной радости, девушка всем телом поняла это странное ощущение взлёта, отрыва от земли – точнее, даже его предвкушения – как будто ты знаешь, что вот-вот поднимешься в воздух, потому что так уже было много раз. Но никакого полёта не было. Нао повернула голову, прижалась щекой к металлу и закрыла глаза. Вокруг было очень светло, пусто, холодно, гулко и на удивление спокойно. Всё было – кроме неё самой.

Глава 8.

*И снится мне другая
Душа, в другой одежде:
Горит, перебегая
От робости к надежде,
Огнем, как спирт, без тени
Уходит по земле,
На память гроздь сирени
Оставив на столе.
А.А. Тарковский «Эвридика»*

Это продолжалось долго, и она успела потерять счёт времени. Когда справа что-то огромное рухнуло на пол с металлическим грохотом, она лишь приоткрыла глаза, но даже это полудвижение далось ей с трудом. В сознании возник образ громоздкого механического чудовища, и Нао хотела было сесть и посмотреть, но тело её не слушалось. Слабые звуки внезапно обрели силу, вырвались на свободу все разом, оглушая, сбивая с толку. Нао задохнулась от нахлынувшей боли – рядом раздавался ритмичный стук, и словно в унисон, в голове что-то раскалывалось с той же частотой ударов. Она всем телом подалась вперед и

Нао успела забыть, что она так и заснула на полу возле кровати. Девушка помотала гудящей головой; в тот же момент в дверь комнаты снова постучали. Открыть найденную на ощупь задвижку оказалось сложно: плохо обработанный металл цеплялся за скобы, и когда Нао распахнула дверь, она была почти зла на неожиданного гостя, из-за которого пришлось так долго сражаться с замком. В коридоре, залитом палевым светом, стояла высокая женщина в тёмно-синем плаще, но ни лица, ни фигуры Нао различить не смогла. Незнакомка тронула улыбкой подкрашенные розовым губы, спросила:

- Ты Нао, верно?

- Д-да, а вы... кто?

Хорошо поставленный голос обжёг ударом:

- Если ты позволишь мне войти, я вполне смогу рассказать об этом... или о Гильдии, с которой был связан твой отец. Любопытная ведь тема?

- Вы же меня всё равно догоните, если я попробую сбежать? – скучно поинтересовалась Нао, стараясь, чтобы её голос не дрожал.

- Не очень хотелось бы, - призналась женщина. – Но да, ты права.

Когда гостя сняла капюшон, Нао украдкой глянула на неё, по-прежнему не отходя от двери. Длинные черные волосы свободно сбегали по плечам, удерживаемые парой прядей, скреплённых сзади; они обрамляли нежное, полудетское лицо сердечком, по которому так сразу и не угадаешь истинный возраст. Незнакомка, безусловно, была очень красива, но сильнее всего Нао поразили её глаза – зелёные, словно не выжженная пока летним солнцем листва. Так говорила мама о своей единокровной сестре, живущей отшельницей где-то далеко на севере. Конечно, север материка слишком далеко, это не могла быть ее тётя... но почему же именно сейчас Нао вспомнила о ней? Только ли потому, что сейчас была бы рада любой помощи?

Или потому, что знала о ней?

- Вита... Сильвия Фьят?

Женщина, с интересом осматривавшаяся в бедной комнате, одобрительно улыбнулась и слегка сощурилась. Какое-то лёгкое, звериное изящество сквозило во всей ее натуре – в этой улыбке, в том, как мягко и грациозно она потянулась. Вот только пристальный взгляд пугал Нао: было в нём что-то стремительное и ледяное, так не вяжущееся с мягкими чертами лица.

- Думаю, обойдёмся без долгих приветствий? Времени осталось мало, - предложила та.

- В самом деле, верно говорят – Тени никогда не ошибаются... Хотя, конечно, нередко меняют свои решения, но тут уж ничего не поделаешь. Ты ведь хочешь знать, что случилось на самом деле?

Нао молча кивнула. Она понимала всё меньше и меньше. Какие ещё тени? Что за решение? Как вообще Сильвия нашла её?

- Жаль, конечно, что так получилось – я хотела бы рассказать куда больше, но... Что ты знаешь о Тенях, Нао?

- Тень, ну... - Нао пожала плечами, припоминая мудрёные фразы из какой-то книги, - Пространство, не охваченное светом... Что-то не так? - Сильвия, мирно сидящая у стола, самым натуральным образом схватила за голову.

- Я, конечно, предполагала, что тебе мало рассказывали, но вообще ничего... Уму непостижимо! И родители тоже ни словом не обмолвились?

Нао растерянно покачала головой и спросила прямо:

- Это было как-то связано с отцом, да?

Фьят, прикусив губу, посмотрела на неё серьёзней, чем прежде.

- Это неправда, что твой отец был одним из нас... но всё же рядом с нами он провел так много времени, что ему рассказывали много больше, чем стоило. Эмер тебе лично ничего не оставлял – дневники, письма, книги?

Нао бросила, чувствуя прихлынувший к щекам жар:

- Нет. Только завещание.

Вопреки ожиданиям, он вернулся раньше остальных. Быстро прошёл по дому, никого не обнаружил, и отправился к западной двери.

- Завтра ветрено будет. Эй, Род, ты меня слышишь? Я же знаю, что ты здесь, - стоящий на крыльце молодой мужчина с беззаботным видом обернулся к подошедшему товарищу. Тот недовольно цокнул языком:

- И как ты вообще понял, что это я?

- Со мной связались высшие силы и предупредили о возможной опасности... Эй, ладно, ладно, пошутил! Так громко сапоги стучат только у тебя, вот и все.

- Для меня эта разница по-прежнему неочевидна, - пожал плечами Родерик.

- Да, бывают в жизни огорчения... и стальные подковки тоже, - согласился его собеседник.

Родерик выругался про себя и цыкнул еще пару раз: - Ты мне зубы-то всё равно не заговаривай – ветрено, не ветрено, а завтра куда ты не идешь, понял?

- Род, мы же вроде обсуждали, нет? - насмешливо ответил Эмер, - Ты - сегодня, я - завтра, все честно и даже по договорённости.

- А не было у нас уговора, Эмер. Точнее был, но до того, как ты нарушил свое обещание.

Он даже не посмотрел на друга и, четко разделяя слова, негромко выговорил: - Это тебя никак не касается.

Родерик заложил руки в карманы и глянул в небо: - Не касается, да. Но ты, кажется мне, забываешь, что тебя – в отличие от многих из них, да и меня в том числе - есть кому ждать, и бросаться сломя голову по чужим поручениям... Эмер, с каких пор ты стал бесшабашным идиотом с парой-тройкой запасных жизней в кармане?

С полминуты Эмер смотрел на Тайрису с неподдельным изумлением, а потом расхохотался.

- Идиотом, да?

- Ну, а как тебя еще назвать? Ты же не будешь величать героем юнца, тащащего в лодку здоровенного сома?

- Если сом ему ничего не отхватит – буду.

- Или если парень не пойдет ко дну вместе со своей лодкой, потому что слишком большая рыба ему не по зубам.

Эмер глядел куда-то выше козырька дома с расслабленной улыбкой и посвистывал; человеку стороннему вполне могло бы показаться, что он просто лениво перекидывался словами с другом.

- Родерик, она же замечательный... охотник на птиц. И знает, как сделать, чтобы силок захлопнулся не сразу. Тебе ведь тоже не нравится оставаться без ужина, верно? И если есть шанс это поменять – почему нет?

«Да. Знает. Вот только бы не вышло так, что этот птицелов угодил в медвежий капкан».

- Да даже если и не нравится... Граймово племя! Эмер, обещай мне кое-что.

- Что я буду голодать, честно сложа руки?

- Просто избавь меня от необходимости стоять у твоей могилы.

- Заметано.

Солнце опускалось в алые облака.

С самого утра в голове зрело дурное предчувствие, и когда он шагнул с крыльца, ей показалось, что небо залито кровью.

- Эмер, я... Не оставляй меня одну, прошу... Ты же...

Он уронил сумку и зарылся носом в её волосы.

- Не бойся. Я ведь тебе обещал. Ещё полгода, ладно?

«Лжец».

«Дар – это то, что ты получаешь ещё до рождения.

Некоторые появляются на свет музыкантами, другие – великими полководцами, третьи растят цветы сквозь каменную мостовую, иным суждено изменять чужие судьбы взмахом руки...

Мы рождаемся теми, кто способен принять в себя мир.

Легенды говорят, что магия во Вселенной была рождена светом звёзд. Все живые существа на О'Стад хранят в себе крупицу этого света, и после их смерти частицы магии возвращаются в общий круговорот. Свободная магия и та, что течёт в ком-то, вместе составляют энергетическую оболочку планеты, без которой само наше существование было бы невозможным. Время от времени в ней появляются сгустки, которые могут накапливать в себе магические частицы с памятью, и когда их становится достаточно много – возникает Тень, огромное сосредоточие силы. С их помощью можно путешествовать по разным планетам, и даже через время. Мы можем исцелять, возвращаться к истокам, можем созидать и разрушать, можем предвидеть будущее и изменять прошлое... Но каждое наше действие имеет цену.

Честно говоря, мы... не сразу поняли, что Тени – не просто дар. Нас жестоко наказывали за все ошибки, а мы называли это недостатком способностей, неопытностью, трусостью и невезением, пока, наконец, нас не заставили посмотреть правде в глаза.

Из-за своей природы Тени получают подобие сознания и памяти и... именно они выбирают, к кому они будут привязаны.

Мы творим магию, вплетая её в ткань реальности – как пальцы ткача следуют за нитью, изменяя направление, если нужно. И все неудачные эксперименты, все ошибки и смерти ложатся на изнанку обрывами, перекосами, дырами, оборванными нитями. Мои слова не снискали одобрения среди других, но запомни: считать пространство Теней этой самой изнанкой, на которой можно спрятать что угодно – нельзя.

Непреложная истина любого сойхо – не обращай своего дара против людей.

Тени принадлежат этому миру, равно как и многим другим, и потому способны даже уничтожить его... если, конечно, найдется тот, кто способен стать сосудом для такой силы и не разорваться на части сразу же.

За все эти годы – не нашлось.

Тень сильного человека может перенять черты его характера, способности, даже внешность и воспоминания. Их гораздо проще отыскать в магическом круговороте, но они сами могут не пожелать говорить с тобой. Кроме того, когда мы создаем короткую связь для беседы, они имеют особую власть над нами. Среди младших сойхо ходит легенда, что если Тень ушедшего заберет тебя, ты полностью сохранишь личность и перейдешь в разряд высших существ. Возможно, это действительно так, но... мы до сих пор не смогли отыскать никого из таких ушедших. Или же нам не позволили их найти.

Сойхо может отобрать Тень и разрушить ее. Но это самый строгий из всех существующих запретов, и ценой такому будет жизнь Мастера. Преступивший запрет лишается своей Тени. Они есть не у всех, это правда, но человек, родившийся с Тенью и её потерявший, выжить не сможет. Физиологически мы такие же люди, как все остальные, и отличаемся тем, что Тень прочно сплетается с душой. Отобрать Тень – значит, разорвать эту связь и расколоть человеческую суть. Те немногие, кто выживал после этого... они были кем угодно, но уже не людьми.

Сойхо с давних времен обладали силами большими, чем подвластны самым искусным

магам. Трудно представить, чтобы нас могли любить за это, и мы научились скрываться. Общающиеся с Тенями ушли в тень – неплохая насмешка судьбы, тебе не кажется?..»

Когда Нао подняла глаза, ей показалось, что тьма за окном ожила и проросла сквозь комнату липкой паутиной. Горячая солёная волна прошила тело от макушки до пяток, круша всё, что еще оставалось ей самой. В Нао вгрызлась такая боль, что вдыхать и выдыхать уже не хотелось; если бы она могла открыть рот, она бы кричала и плакала так, как не рыдала бы, даже расставаясь с самым дорогим ей. Она чувствовала, как неизвестное по капле пьёт её, но не имела сил, чтобы остановить это.

Умирать оказалось больно и страшно.

Сквозь мутную пелену Нао перевела взгляд на женщину, сидящую напротив. Ничего больше не имело значения для неё; она оказалась по ту сторону, и мир отторгал её, словно вырывая надоедливую колючку из ткани. Сильвия, по-прежнему объяснявшая что-то про Тени, заметила неладное и в два шага оказалась подле девушки. Последнее, что ещё видела Нао – пронзительный взгляд – глубокий, в сердце, и обжигающее прикосновение рук к её вискам. Она могла бы поклясться, что прошло не более трёх секунд, пока слух и зрение оставались с ней, но между этими секундами легла почти вечность. И когда со всех сторон хлынула льдистая мгла, она не захлебнулась.

В следующий миг она стала огненной, ломкой, крошащейся, в лёгких догорали остатки воздуха, а широко распахнутые глаза не различали ничего. Нао силилась вдохнуть, но тело не слушалось; да и была ли она сама – существовало ли хоть что-нибудь, кроме этого жуткого мрака? Пространство, состоящее из ломких горячих пластов, всё дробилось и дробилось – как раскаленные угли в потухающем костре... одни медленно сменялись другими...

Это закончилось так же внезапно, как и началось. В пустоте разлилось слабое, нежное сияние, которое понемногу вспучивалось пузырями, словно вскипало.

Дышать, кажется, стало легче... или ей не нужно было дышать?

Когда один из пузырей лопнул, какая-то его часть оторвалась окончательно, взмыла вверх и полетела, потом ещё, ещё и ещё... Это было очень похоже на бабочек, борющихся с сильным ветром.

Постепенно «бабочек» становилось все больше, тьма неохотно поддавалась их натиску, и скоро свет затмил всё.

Знаешь, мама, в последнее время мне всё чаще кажется, что я вижу сон. Не знаю, плохой или хороший – по-моему, я вижу его с самого своего рождения. Или нет?.. Кажется, раньше всё было иным, но я не помню. Лица изменились так сильно, что у меня не получается узнать никого, а запоминать новые... их отберут у меня тоже?

Знаешь, мама, я увидела в жизни больше, чем могла представить. Я знаю, что есть радость и боль, горе и надежда, любовь и беспросветное отчаяние.

Я прожила их.

Кровь стынет на моих руках.

Знаешь, мама, ночи становятся всё чернее, и чем дальше, тем сложнее идти по дороге, которой я совсем не вижу. Эта чернильная вязкость заливает мне уши, и я не обернусь на чужой голос.

Не зови.

Я хотела бы снова оказаться там, где ты пришла и утешила меня, когда мне приснился кошмар, но отчего-то я не могу тебя позвать. Когда-то я так не хотела засыпать, а теперь...

Мама, мне совсем не нравится этот сон...
Но я больше не могу проснуться.

Словарь имён:

- **Йнгвальд** (Ing+valdr) – одно из имён Фрейра + властелин, повелитель
- **Ищущая:** **Тáнгвен** (Tangwen) – огонь + белая, чистая
Фáрберта (Farberta) – идти, странствовать + светлый
Кáренн (Karen) – друг, подруга
Ўлла (<-Улли) (Ulla) – родина, отчизна + вождь, правитель
- **Рóдерик** (Hróðr+ ríkr) – хвала, слава + могущественный, богатый; властелин, повелитель
- **Эмер** (Emer) – работа, труд
- **Ульв** (Ulw) – волк
- **Сйльвия** (Silvia) – лесная